

А. ВЛАДИМИРОВ

Д. ШИМОХИН

2

ОХОТНИК
НА ДЕМОНОВ

Зверь

Дмитрий ШИМОХИН

ОХОТНИК НА ДЕМОНОВ – 2

«автор»

2026

Шимохин Д.

Охотник на демонов – 2 / Д. Шимохин — «автор»,
2026 — (Зверь)

Демоны убили моих родителей. Родной дядя лишил наследства, отправив в приют. И кем я мог стать? Да много кем! Но стал боевым магом и охотником на демонов на службе государевой. Кто же знал, что с демонами меня связывает кое-что посильнее мести.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2 Интерлюдия: Лиса	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дмитрий Шимохин, Алексей Владимиров

Охотник на демонов – 2

Глава 1

Сознание возвращалось рывком, словно меня выдернули из темной, ледяной воды. Первым было ощущение камня, на котором я лежу. Я лежал на том же алтарном столе в центре Зала Усмирения. В голове гудело, во рту стоял отвратительный привкус.

Я попытался сесть, но тяжесть во всем теле не позволила даже приподнять голову. Я попробовал пошевелить руками и ногами, и только тогда понял, насколько все изменилось. Кожаные ремни исчезли. Вместо них мои запястья, лодыжки и грудь были опутаны тяжелыми, толстыми цепями, уходящими прямо в пазы на каменном столе.

Это был не просто металл. Он был мертвенно-холодным, и каждый его виток, казалось, высасывал из меня силы. Поверхность цепей покрывала мелкая, едва заметная гравировка – непрерывная вязь незнакомых мне символов, тускло светившихся в полумраке зала. Они не просто держали меня – они меня подавляли. Моя антимагия, моя внутренняя пустота, обычно готовая вырваться наружу, теперь была заперта, задавлена весом и магией этих оков.

Воспоминания обрушились на меня: горькая настойка, вспышка света... и панические крики.

«Это печать! Он ДЕМОНОПОКЛОННИК!»

Паника ледяной волной прокатилась по телу. С самого начала это была ловушка? Лису обманули, или она была частью этого? Нет, она не могла. Она ведь меня предупреждала обо всем этом. Кайл предупреждал. А может она специально? Нет, это бред, она точно не могла этого сделать. Нет это бред. Может приняли меня за другого? Ошиблись?

Как в это даже самому не верилось, а значит мне не поверят, что я бы не сказал. Они меня считают демон поклонником.

Тяжелый засов за дверью скрежетнул, и дверь со скрипом отворилась, впуская полосу тусклого света. Вошли двое. Первым был брат Матвей, его лицо было все таким же бесстрастным, но в глазах горел лихорадочный блеск исследователя, совершившего великое и ужасное открытие.

Второй был его полной противоположностью. Высокий, широкоплечий мужчина в черной рясе, поверх которой был надет серебряный нагрудник с выгравированным на нем символом пылающего меча. Его лицо, с резкими, словно высеченными из гранита чертами и коротко стриженной седой бородой, не выражало ничего, кроме абсолютной, непоколебимой уверенности в своей правоте. От него веяло властью и угрозой.

– Это брат Валаам, – представил его Матвей, подойдя к алтарю. – Он желает с тобой поговорить.

Монах подошел вплотную и навис надо мной. Его тень полностью накрыла меня.

– Охотник Зверев, – его голос был низким, рокочущим, как камнепад в горах. – Ты обвиняешься в ереси, сокрытии своей демонической природы и служении врагу рода человеческого.

– Служение... Врагу... безумие, – прохрипел я, тщетно пытаюсь дернуться в цепях. – Я – охотник. Сражаюсь с демонами, чтоб их искоренить!

– Ты сражался с низшими тварями, чтобы отвести от себя подозрения, – отрезал Валаам. – Для высших демонов, эти твари ничего не значат. Ритуал не оставляет сомнений. Твоя так называемая «антимагия» – не врожденный дефект. Это Клеймо. Печать одного из высших демонов, вживленная в твою душу. Она пожирает святую магию и оскверняет, что мы

и наблюдали, когда ты чуть не уничтожил этот зал. Ты – бомба замедленного действия, спящий агент, но мы тебя раскрыли.

Я смотрел на него, и ледяной ужас сковал меня сильнее любых цепей. Они не просто ошибались. Они создали целую теорию, логичную и стройную в своей фанатичной паранойе. И у них были «доказательства».

– Это бред, – яростно прошептал я. – Если б я был их агентом, зачем мне приходиться к вам, сюда? Я пришел добровольно за помощью!

– Демон всегда лжет, – монах произнес это как непреложную истину, его взгляд был подобен стали. – У тебя есть два пути, носитель Клейма. Первый – путь раскаяния. Ты добровольно расскажешь нам все: имя своего хозяина, цель твоего внедрения, известных тебе других агентов. После чего твоя оскверненная душа будет предана Очищающему Пламени. Твоя смерть будет быстрой.

Он сделал паузу, глядя мне прямо в глаза.

– Второй путь – упрямство. Ты останешься здесь, на этом столе, и будешь подвергнут Дознанию. Мы все равно получим ответы на наши вопросы. Поверь мне, в мы умеем развязывать языки. Но этот путь будет долог. И очень, очень мучителен. А в конце тебя все равно ждет пламя.

Он развернулся, чтобы уйти.

– Я даю тебе время до рассвета, чтобы ты сделал выбор между быстрой смертью и агонией. Подумай хорошо. Раскайся и покайся в грехах своих.

Дверь захлопнулась, погружая зал в почти полную темноту, нарушаемую лишь тусклым свечением на моих цепях. Я остался один, прикованный к холодному алтарю, заклеянный как монстр. Из охотника я превратился в жертву. И у меня было всего несколько часов, чтобы найти выход из ловушки, у которой, казалось, не было ни одного выхода.

Время в подземелье текло иначе или мне так казалось. Здесь не было ни дня, ни ночи, лишь вечный, давящий полумрак и тишина, густая, как смола. Я не знал, сколько прошло времени – час или три, – но холод камня успел пробрать до самых костей, а тело затекло от неподвижности.

Первоначальный шок сменился холодной, яростной злобой. На них, на себя, на весь этот проклятый мир.

Я – демонопоклонник? Я, потерявший в детстве семью? Я, посвятивший жизнь тому, чтобы истреблять этих тварей? Бред! Фанатичный, жестокий бред.

Я снова и снова прокручивал в голове слова Валаама. «Клеймо Архиврага», «спящий агент». Они не просто обвиняли, они верили в это. Их ритуал, их настойка что-то во мне всколыхнула, показала им то, что идеально легло в их картину мира. Но что? Что они увидели?

Яростно дернулся, вкладывая в рывок всю свою силу. Цепи даже не звякнули, лишь символы на них вспыхнули ярче, и волна парализующей слабости прокатилась по телу, выбивая из легких воздух. Бесполезно. Физической силой их не взять.

Тогда я попытался сделать то, что умел лучше всего – сосредоточился на своей внутренней пустоте. Я всегда ощущал ее как вакуум, дыру в самом центре моего существа. Я попытался расширить ее, направить на оковы, как делал это с магическими щитами. Но символы на цепях работали как дамба, сдерживая мой внутренний вакуум, не давая ему просочиться наружу.

Отчаяние начало подступать снова. Сколько мне осталось? Лиса... Она единственная, кто знает, где я. Но станет ли она рисковать? Она помогла найти дверь, но предупредила, что вхожу я один.

Я закрыл глаза, пытаясь отогнать панику. Нужно думать. Думать, как они. Если моя сила – это «Клеймо», если она «оскверняет», значит, между ними есть взаимодействие. Конфликт. А где конфликт, там и слабое место.

Вместо того чтобы пытаться прорвать блокаду, я сосредоточился на ощущениях. На том, как холод цепей встречается с моим внутренним «я». Я чувствовал, как символы на металле постоянно «давят» на мою пустоту, как бы утрамбовывая ее. Но в ответ... моя пустота не была полностью пассивной. Она тоже давила в ответ. Это было похоже на противостояние двух одинаковых магнитных полюсов.

Я вспомнил тот момент, когда выпил настойку. Жар, вспышка, ощущение, что моя анти-магия выходит из-под контроля, становится чем-то большим. Чем-то... активным.

«А что, если они правы?» – пронзила меня ужасная, кощунственная мысль. – *«Что, если это не пустота? Что, если там, в глубине, действительно что-то есть? Что-то, что я сам от себя прятал всю жизнь?»*

Я заставил себя сделать то, что никогда не делал раньше. Вместо того чтобы подавлять свою «особенность», я мысленно потянулся к ней. Не как к пустоте, а как к источнику. Я сосредоточил на ней всю свою ярость, всю свою ненависть, все свое отчаянное желание жить.

И что-то отозвалось.

Это не был всплеск энергии. Скорее, едва заметный резонанс. Словно я коснулся струны в самой глубине своей души. И в тот же миг один из символов на цепи, стягивающей мою грудь, на долю секунды моргнула, потускнев. Одновременно с этим я почувствовал укол боли в солнечном сплетении, словно мне вонзили туда раскаленную иглу.

Сердце забилося чаще. Получилось! Это было почти незаметно, но это было! Это не просто глухая оборона, я могу на них влиять!

Я попытался снова, вкладывая в ментальное усилие все, что у меня было. Снова укол боли, ставший острее. И снова тот же символ моргнул, и на этот раз я услышал тихий, похожий на треск статического разряда звук.

Эта сила питалась моими эмоциями. Не просто силой воли, а яростью, отчаянием. Чтобы использовать ее, нужно было шагнуть на ту темную территорию внутри себя, которую я всегда инстинктивно избегал.

В третий раз я вложил в попытку всю свою ненависть и страх. Боль в груди стала почти невыносимой, перед глазами поплыли красные круги.

КРАК!

Звук был негромким, но в тишине зала он прозвучал, как выстрел. Символ на центральном звене цепи на моей груди треснул. Тонкая, как волос, темная линия разделила древний символ надвое. Свечение погасло, и я тут же почувствовал, как давление на мою внутреннюю силу в этом месте ослабло. Всего на одно звено, но это была брешь в дамбе.

Я тяжело задышал, обливаясь холодным потом. Тело ломило, а в груди горел огонь. Но вместе с болью пришла и надежда. Дикая, отчаянная, пьянящая. Я нашел способ. Болезненный, опасный, но это был шанс.

В этот момент я услышал тяжелые шаги за дверью. Засов лязгнул.

Кто-то возвращался. Рассвет еще не наступил.

Я мгновенно закрыл глаза и расслабил мышцы, придавая телу безвольный вид. Сердце бешено колотилось, но я заставил себя дышать ровно. Я не знал, кто войдет – монах, вернувшийся раньше срока, или просто тюремщик. Но одного я теперь знал точно. Игра еще не окончена.

Дверь со скрипом отворилась, но на пороге стоял не Валаам. В камеру, если этот зал можно было так назвать, вошел брат Матвей. Один. В руках он держал небольшой поднос, на котором стояла глиняная кружка с водой и лежал кусок черствого хлеба.

Он подошел к алтарю и поставил поднос на каменный пол рядом со мной. Его взгляд был все тем же – холодным, отстраненным, изучающим. Он не смотрел мне в глаза, его внимание

было приковано к цепям. Он медленно провел пальцами по звену на моей груди, там, где тускло светились символы.

Я затаил дыхание. Заметит ли он?

Его пальцы замерли точно над треснувшим символом. На мгновение его бесстрастное лицо дрогнуло. Уголок рта дернулся, а в глубине глаз мелькнул тот же лихорадочный огонек, что и во время ритуала. Он наклонился ближе, почти касаясь моего лица, и взгляделся в поврежденную руну.

– Как?.. – прошептал он, скорее себе, чем мне. – Цепи из освященного серебра, символы начертаны по канонам Первых Отцов... Они должны полностью подавлять любую эманацию...

Он выпрямился и впился в меня взглядом, словно пытаюсь прожечь дыру и заглянуть прямо в душу.

– Что ты сделал?

Я молчал, изображая полное изнеможение. Мое тяжелое, прерывистое дыхание было вполне настоящим – попытки сломать руну отняли немало сил.

– Я... ничего... – прохрипел я, и это было почти правдой. Я сам не до конца понимал, что именно я сделал.

Матвей обошел алтарь, внимательно осматривая каждое звено, каждую руну на моих руках и ногах.

– Ложь, – констатировал он беззлобно, как врач, ставящий диагноз. – Магический фон в зале изменился. Незначительно, но мы это уловили. Произошел всплеск. Ответная реакция на подавляющее поле. Это сделал ты. Вопрос лишь в том – как? Сознательно или это был инстинктивный выброс?

Он снова остановился передо мной.

– Твое Клеймо... оно не просто пассивный поглотитель. Оно способно к активному сопротивлению. Это невероятно. Ничего подобного не описано ни в одном трактате.

Он смотрел на меня не как на еретика, а как на неразгаданную загадку, на ключ к величайшему открытию. В его глазах не было фанатизма Валаама. В них была лишь всепоглощающая жажда знаний. И в этом был мой шанс.

– Я не знаю, о чем вы, – прошептал я, стараясь говорить как можно слабее. – Мне больно... Эти цепи... они жгут...

– Да, – кивнул Матвей, снова касаясь цепей. – Конфликт энергий. Святость против... другого. Это должно быть мучительно. Как если бы в твои вены вливали кислоту. Интересно, каков предел прочности у Клейма? А у носителя?

Он отошел к стене и нажал на кирпич. В противоположной стене открылась небольшая ниша, из которой он извлек тонкий серебряный стилет с множеством выгравированных на нем символов.

– Это настроечный инструмент, – пояснил он, возвращаясь. – Он позволяет усиливать или ослаблять действие. Я хочу провести небольшой эксперимент. Я немного ослаблю давление на твою запястье. Хочу посмотреть, как Клеймо отреагирует на изменение. Не бойся, это не причинит вреда. Наука требует жертв, но не бессмысленной жестокости. Сбежать можешь даже и не думать, – напоследок добавил он.

Мое сердце заколотилось. Это был идеальный момент. Он сам давал мне возможность опробовать свою силу снова, но под прикрытием его «эксперимента».

Матвей прикоснулся стилетом к руне на цепи, сковывающей мою правую руку. Символ вспыхнул ярче, а затем его свечение стало чуть более тусклым. Я тут же почувствовал, как давление на этом участке ослабло.

– Теперь... не сопротивляйся, – пробормотал он, внимательно наблюдая за моей рукой. – Просто позволь своей природе проявиться...

Я сделал вид, что подчиняюсь. Я расслабился, но в глубине себя снова потянулся к тому темному, яростному источнику. И направил его силу на ослабленную руну.

На этот раз эффект был сильнее. Боль в солнечном сплетении была острой, как удар ножа, но я сдержал крик, превратив его в стон.

КРАК!

Руна на браслете треснула, и на этот раз трещина была больше. От нее пошли мелкие, как паутина, разломы. Свечение символа замерцало и погасло. Давящее поле на моей правой руке почти исчезло. Я все еще был в оковах, но теперь чувствовал, что могу пошевелить запястьем.

Матвей отшатнулся, выронив стилет. Тот со звоном ударился о каменный пол. На лице ученого впервые отразилось не любопытство, а страх, смешанный с восхищением.

– Оно... оно разумно, – прошептал он. – Оно не просто реагирует. Оно использует слабости. Оно ищет уязвимости в защите и бьет по ним...

Он поднял на меня взгляд, и теперь в нем не было и тени научного бесстрашия.

– Кто ты такой?

Не успел я ничего ответить, как наверху, далеко за пределами зала, прозвучал тяжелый удар колокола. Один. Второй. Третий.

Рассвет.

Брат Матвей вздрогнул, словно очнувшись от транса. Выражение его лица снова стало жестким, собранным. Он быстро поднял стилет и, не говоря больше ни слова, почти бегом направился к выходу.

– Брат Валаам скоро будет здесь, – бросил он на ходу, не оборачиваясь. – Твое время вышло.

Дверь захлопнулась. Лязгнул засов.

Я остался снова один. Но теперь все было иначе.

Не успел стихнуть лязг засова за ушедшим Матвеем, как он заскрежетал снова. Дверь распахнулась настежь, и в Зал Усмирения вошел Валаам. За ним следовали двое – рослые, безликие монахи в рясах, но с обнаженными мускулистыми руками, покрытыми ритуальными татуировками. В руках они держали длинные серебряные щипцы и тонкие стилеты, которые тускло поблескивали в свете остаточного свечения камней.

– Рассвет наступил, еретик, – пророкотал Валаам, останавливаясь у изножья алтаря. Его глаза были холодны, как лед. – Твой выбор?

Я медленно повернул голову и посмотрел на него. Страх никуда не делся, он ледяными иглами впивался в сердце, но поверх него, как раскаленная лава, разливалась ярость. Они не хотели правды. Они хотели лишь подтверждения своей веры. И я им его не дам.

– Я невиновен, – мой голос был хриплым, но твердым. – И я не собираюсь умирать из-за вашего слепого фанатизма.

На лице монахов не дрогнул ни один мускул. Он воспринял мои слова не как вызов, а как ожидаемый, заранее известный ответ.

– Глупец. Ты выбрал сторону врага человеческого, – он кивнул своим помощникам. – Начинайте Дознание. Я хочу услышать имя его хозяина до полудня.

Один из монахов подошел к моей правой руке – той самой, чьи оковы были повреждены. Он поднял щипцы, концы которых начали светиться тусклым белым светом, издавая тихое, звенящее гудение.

Я смотрел, как пылающие концы щипцов медленно опускаются к моей коже.

В тот момент, когда серебро коснулось моей руки, мир взорвался.

Боль была невыносимой, всепоглощающей. Но она стала тем топливом, которого не хватало. Внутренний источник, который я до этого лишь осторожно прощупывал, прорвало. Из моей груди вырвалась беззвучная волна чистой, первобытной силы. Это не была магия. Это

была ее противоположность. Абсолютная, всепожирающая пустота, принявшая форму ударной волны.

ХРЯСЬ!

Цепь на моей правой руке разлетелась на куски, словно была сделана из стекла. Осколки освященного серебра веером разлетелись по залу. Монаха-палача отшвырнуло назад, как тряпичную куклу, и он с глухим стуком врезался в стену.

Остальные цепи, державшие меня, не выдержали такого всплеска. С оглушительным треском символы на них вспыхнули и погасли, а сами оковы с лязгом упали на каменный пол. Одновременно с этим на стенах зала замерцали и с тихим шипением погасли остальные символы. Подавляющее поле исчезло.

Я рухнул с алтаря на пол, кашляя и задыхаясь. Тело разрывалось от боли. Место, которого коснулись щипцы, обуглилось до кости, а внутренности горели огнем от перенапряжения. Но я был свободен.

Валаам, которого волной лишь качнуло, на мгновение замер, глядя на произошедшее с недоверием. Шок длился лишь долю секунды. С яростным ревом он выхватил из-под рысы тяжелый молот.

– Скверна вырвалась! Убить его! – взревел он, бросаясь ко мне.

Второй монах, оправившись, тоже ринулся в атаку, выставив перед собой стилет.

Полноценного боя я бы не выдержал. Единственный шанс – бегство. Увернувшись от неуклюжего выпада монаха, я свободной правой рукой схватил с пола тяжелую глиняную кружку, которую принес Матвей, и со всей силы швырнул ее в лицо Валааму.

Валаам инстинктивно прикрывлся, и этого мгновения мне хватило. Я рванул к единственному выходу – тяжелой двери, ведущей в коридор.

Молот со свистом опустился там, где я только что стоял, высекая из каменного пола снопы искр.

Вылетев в темный коридор, захлопнул за собой тяжелую дверь.

Я бежал. Бежал, не разбирая дороги, по казавшемуся бесконечным, холодному каменному коридору подземелья. Легкие горели, обожженная рука пульсировала невыносимой болью, а в ушах стоял гул от собственного сердца и далеких яростных криков.

Воздух становился чуть свежее, и вот, впереди, в конце очередного длинного прохода, я увидел его. Свет. Не оранжевый отсвет факела, а тусклый, серый прямоугольник дневного света. Лестница! Лестница, ведущая наверх! Именно по ней я сюда и спустился.

Надежда ударила в голову, как хмельное вино, придавая сил. Я рванул из последних сил, уже представляя, как вырываюсь на улицы, прыгаю на свой «Цербер», скрываюсь... Я почти добежал. Десять метров. Пять.

Я вылетел из-за угла в освещенный квадрат... и мир взорвался болью.

Что-то тяжелое и твердое – приклад, дубина, не знаю – с оглушительным треском врезалось мне в висок. Я не увидел нападавшего. В глазах потемнело, свет впереди рассыпался на тысячи осколков и погас. Последней мыслью, пронесшейся в угасающем сознании, была горькая ирония. Конечно. Они просто не могли не оставить охранников у выхода.

От автора: Огромная просьба поддержите лайком и комментарием, для нас это Важно!

Глава 2 Интерлюдия: Лиса

Вернувшись со смены, Лиса приняла душ и заварила себе крепкий черный кофе, краем глаза поглядывая на коммуникатор.

Тот молчал. Допив кофе, Лиса начала мерить шагами квартиру.

– Что за средневековые замашки? – прошипела она в пустоту. – Даже если разговор затянулся, можно найти секунду, чтобы отправить короткий знак.

Она набрала номер Зверева, и механический голос оператора сообщил, что «аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Потеря связи, да еще когда пошел в такие гости, – это вещь возможная, но прошло больше суток, он должен был выйти на связь.

– Идиот! – Она с силой ударила кулаком по столу. – Самонадеянный идиот!

Чувство вины скрутило живот ледяным узлом. Действовать.

Она открыла защищенный ноутбук и, используя свои права доступа, попыталась запустить программу экстренного отслеживания коммуникатора Зверева из дома. Это считалось прямым нарушением протокола, но ей было все равно.

Несколько секунд система обрабатывала запрос. На экране вспыхнуло окно с красной рамкой:

ЗАПРОС ОТКЛОНЕН. ПРИЧИНА: ВЫ НЕ ОБЛАДАЕТЕ ДОСТАТОЧНЫМИ ПРАВАМИ. УДАЛЕННЫЙ ДОСТУП ЗАБЛОКИРОВАН.

Из ее горла вырвался тихий, сдавленный рык. Она с такой силой сжала подлокотники кресла, что ногти впились в дорогой материал. Это провал.

Нужно было поднимать тревогу. Но официальный запрос через отдел – это долго. Бюрократия. Такая процедура даст Церковникам время, чтобы... Да мало ли, на что это даст время.

Она отбросила эту мысль и, потянувшись к коммуникатору, набрала номер капитана.

– Кайл. – Ее голос был тихим и жестким. – У нас ЧП. Саня пропал.

На том конце провода на секунду воцарилась тишина.

– Где ты? – Голос Кайла был собранным, без тени сонливости.

– Дома.

– Ясно. Грому и Ворону я звоню сам. Сбор через тридцать минут в резервной точке. Ты знаешь где.

– Поняла, – кивнула Лиса.

– Что случилось? Вкратце, – остановил ее Кайл.

– Это я... я отправила его на встречу с церковниками. Поговорить.

– Ясно, – буркнул капитан и обрубил связь.

Он не стал ругаться, хотя предупредил, он просто принял ситуацию, и то что её надо разгребать.

Времени было немного, и она тут же началась собираться. Любимое копье лежало в машине, вот только, помимо него, требовалось еще огнестрел захватить и, конечно же, не табельный... Она залезла в тайник и достала оттуда пистолет «Стриж 7», немного устаревшей модели, но все такой же надежный, а главное, нигде не засвеченный, отлично подходящий для скрытого ношения, да и глушитель – самое то. К нему два магазина с бронебойными патронами, не артефактными, конечно, но сойдет. Из тайника также был извлечен тонкий бронежилет из композитных материалов, достаточно легкий, в свое время она отдала за него круглую сумму. Оделась она в черные, неброские вещи, и время на сборы закончилась. И через три минуты она неслась на место встречи.

Через пятнадцать минут вся команда стояла в пыльном, пахнущем бетоном и старым маслом гараже Грома – их неофициальной резервной точке. Кайл уже был там, его лицо сделалось мрачнее тучи. Гром и Ворон подкатили почти одновременно с Лисой.

– Он у них, Кайл. – Ее голос был тихим. – Я пыталась отследить его коммуникатор из дома. Система заблокировала запрос.

– Я уже в курсе. – Кайл не смотрел на нее, он уткнулся в экран своего планшета. – Я связался с админами в управлении, благо дежурит Игорек и все прошло быстро. Ответственность взял на себя.

– И? – Гром хрустнул костяшками.

– Сигнал пропал шестнадцать часов назад. Последнее место – Покровский монастырь, именно там в последний раз шел сигнал с коммуникатора.

– Все сходится! Он должен был встретиться с Матвеем именно там! – прорычала Лиса. И молча уставилась в стену.

Кайл молча смотрел на тактическую карту.

– Хорошо. Теперь у нас есть отправная точка.

Он набрал номер.

– Кайлов? Неожиданно. Что-то стряслось? – Голос мужчины на той стороне был хриплым.

– Семен Ильич. – Кайл говорил быстро. – Моего бойца, Зверева, забрали церковники. Никакой информации по официальным каналам к нам не поступало. Вероятно, его держат в Покровском монастыре. Мне нужно неофициальное содействие.

Семен Ильич тяжело вздохнул.

– Дмитрий, ты же знаешь правила. Церковники – это государство в государстве. Процедура займет минимум три дня.

– Три дня?! – В голосе Кайла прозвучал металл. – Через три дня от него и пепла не останется! Вы знаете сами.

– Дима, ты сам понимаешь, что делать...

– Я все понял, – выдохнув, ответил Кайл. – Гарантируете поддержку в дальнейшем?

– Разумеется. – Связь прервалась.

Кайл медленно опустил коммуникатор. На его лице отразилась мрачная решимость.

– А давай просто пойдем туда и заберем Сашку? – тихо предложила Лиса, ее голос был полон сдерживаемой ярости.

Кайл посмотрел на нее.

– А ты думаешь, они вот так возьмут и отдадут его нам? – хмыкнул до того молчавший Ворон.

– А мы вежливо попросим! – прогудел со своего места Гром, сжимая рукоять молота так, что суставы побелели.

– И что дальше? – Кайл обвел взглядом всю команду. – Какие у нас по факту доказательства, что он у них? Никаких. То, что коммуникатор сигнал издал из монастыря? Они это подтвердят. Скажут: «Да, Зверев был у нас, мы поговорили, а потом он ушел». И мы ничего не докажем. – Он сделал паузу, и его голос стал еще тише и жестче. – А если решим прорваться силой, не факт, что получится, да и его пристрелят по-быстрому, а труп спрячут. В итоге мы и его потеряем, но себе заработаем огромный гемморой. Поэтому нужно действовать по-другому.

Все кивнули, и Кайл продолжил:

– Отлично. – Ярость на его лице сменилась ледяной концентрацией. – Тогда за дело. Лиса, планы: все подземные коммуникации. Гром прихвати что-нибудь, чем можно грызть бетон. Ворон, стимуляторы, регенерация, антидоты. У нас час!

Гараж загудел, как растревоженный шершневым рой.

– Есть, капитан. – Лиса тут же закапалась в служебный планшет. – Схема канализации от 1858 года. – Она указала пальцем на тонкую линию. – Это, по всей видимости, был проход для доставки провизии в монастырь. Его завалили в начале двадцатого века.

– «Завалили». Значит, прохода нет, – откликнулся Гром.

– Нет, – сказала Лиса и наложила сверху план современной канализации. – Это действующий коллектор. Он проходит рядом с тем, что нам нужен. Всего в паре метров.

Кайл посмотрел на Грома.

Тот, укладывая в рюкзак оборудование, ухмыльнулся.

– Прорвемся. – Он взял в руку свой двуручный молот. – Но, если что, эта штука поможет. – Он с глухим стуком выложил на стол несколько брикетов С4. – Проспорили мне ящик коньяка. Отдал долг натурой... – Лиса на него косо посмотрела. – ...взрывчаткой, а не тем, что нарисовала твоя больная фантазия.

– Очень уж громко будет, – вмешался Ворон. – Я возьму кое-что другое. Менее громкое, но силой не уступающее.

– Отлично, – с ухмылкой произнес Капитан. – Главное – успеть.

– Транспорт нужен, – оторвала лицо от планшета Лиса. – На служебной спалимся.

– Машина будет, – прогудел Гром, набирая номер. – Шустрый? Нужна твоя помощь... Срочно. Через пятнадцать минут у гаража, ты знаешь. Бери свою «Комету» и без вопросов.

– Вопросы не мой профиль. Буду минут через пятнадцать, – ответили ему, и связь прервалась.

– Шустрый все на той же развалюхе катается? – с ухмылкой спросила Лиса.

– Вроде как да, но он поставил новый движок. Теперь этот сарай не уступит твоей «Авроре», – ответил Гром.

Пятнадцать минут спустя к гаражам подкатил неприметный темно-серый фургон. За рулем сидел молодой парень в кепке. Он одарил Грома улыбкой и кивнул на грузовой отсек.

Команда быстро загрузила оборудование.

– Лиса, сколько же я тебя не видел, – улыбнулся Шустрый. – А ты стала еще краше. Не надумала сходить со мной на свидание?

– Шустрый, я тебе в прошлый раз все популярно объяснила или повторить? – рявкнула Лиса.

– Понял я, понял. – Шустрый развернулся и потер подбородок.

– Давай, жми, – прорычал Гром.

– Адрес? – спросил Шустрый.

Кайл сам вбил координаты в навигатор. – Высадишь здесь. Поехали, и как можно быстрее.

– Быстрее – это я люблю, – хмыкнул Шустрый, и фургон сорвался с места.

Спустя полчаса «Комета» остановилась в узком проезде между двумя заброшенными зданиями. Гром сорвал крышку люка перед фургоном, и команда, подхватив снаряжение, бесшумно растворилась в его темноте.

Их тут же окутал густой запах нечистот. В полной темноте, нарушаемой лишь лучами фонарей, они стояли по щиколотку в ледяной жиже.

Лиса активировала планшет.

– Маршрут до цели – тысяча двести метров, – ровным, деловым тоном произнесла она. – Движемся.

Команда двинулась вперед.

Минут через двадцать однообразного пути Лиса резко подняла руку. Путь преграждала массивная стальная решетка.

– Гром, разберись, – тихо произнес Кайл.

Тот подошел к решетке. Раздался низкий стон металла, затем оглушительный треск крошащегося бетона, и он вырвал всю конструкцию из стены, отбросив ее в мутную воду.

Они шли еще минут десять. Внезапно Лиса замерла. Ее фонарь уперся в глухую кирпичную стену.

– Там, – едва слышно прошептала она.

Кайл осмотрел кладку, потом покосился на Грома.

– Взрывчаткой шумно будет, да и помещение закрытое. Ворон, попробуй.

Ворон шагнул вперед, доставая склянку с маслянистой жидкостью и кожаный кисет. Он плеснул жидкость на стену, затем метнул в нее щепоть серого порошка. Раздалось громкое шипение, и смесь на стене вспенилась.

– Все за меня, – приказал Кайл, выставляя перед собой огненный магический щит.

Раздался глухой, утробный звук. Серая пена испарилась, оставив на бетоне сеть глубоких трещин и оплавленные края.

– Гром, теперь ты, – произнес Кайл. Гром выхватил молот. Пара мощных ударов – и в стене появился проход.

Кайл первым скользнул внутрь. Луч фонаря подтвердил – комната была пустой, за исключением мусора и старых сгнивших стеллажей. Единственным выходом была старая массивная дверь.

Когда вся команда протиснулась внутрь, Кайл обвел их взглядом.

– Слушать сюда. – Его шепот был едва слышен. – Может, эти ублюдки и удерживают нашего. Убивать запрещаю. Только оглушить. Все поняли? Три решительных кивка были ему ответом.

Кайл медленно повернул ручку двери. Механизм не издал ни звука. Перед ними был длинный, тускло освещенный коридор, уходящий в темноту в обе стороны.

Куда идти, направо или налево...

Глава 3

Ледяная вода обожгла лицо и грудь, вырывая меня из вязкого, багрового тумана. Я судорожно дернулся, захлебываясь и кашляя. Сознание вернулось мгновенно, и вместе с ним – боль. Тупая, ноющая боль в виске, обожженная кожа на руке и гудящее эхо от перенапряжения во всем теле.

Я висел к чему-то прикованный.

Тяжелые цепи, такие же, как и на алтаре, сковывали мои запястья и лодыжки, но теперь они уходили вверх, в непроглядный мрак. Я висел, едва касаясь пальцами ног холодного каменного пола, руки были вывернуты за спиной под неестественным углом. Каждое движение отдавалось вспышкой боли в плечах.

Когда зрение сфокусировалось, я понял, что все стало гораздо хуже. Передо мной застыв стояли, те самые монахи-палачи.

Помещение было другим. Меньше, чем Зал Усмирения. Стены казались ближе, а воздух был тяжелым и спертым, пахнущим застарелой кровью и страхом.

– Наконец-то, – раздался из тени знакомый рокочущий голос.

Валаам шагнул в тусклый круг света, отбрасываемый единственным магическим светильником на стене. Его лицо было все таким же суровым и непреклонным. Он не выглядел злым. Он выглядел уставшим и исполненным праведного долга, как хирург перед сложной, но необходимой операцией.

– Твое молчание и сопротивление доказывают лишь то, что Клеймо уже пустило корни в твою душу и тебя не спасти. Разговоры окончены. Начинается Дознание.

Я стиснул зубы, ожидая увидеть инструменты пыток, как в прошлый раз. Но в руках монаха не было ничего, кроме небольшого, гладкого камня молочно-белого цвета. Он был размером с голубиное яйцо и, казалось, впитывал в себя скудный свет, оставаясь матовым и непрозрачным. Он выглядел совершенно безобидно, но когда Валаам шагнул ближе, я почувствовал это.

Моя внутренняя пустота, сжалась и казалась даже заскулила. От камня исходила не просто магия. Это было нечто концентрированное, древнее и абсолютно нетерпимое к любой скверне.

– Это Слеза святого, – пояснил инквизитор, заметив мой взгляд. – Она не калечит тело. Она лишь сжигает ложь и ересь, причиняя носителю невыносимую боль. Чем сильнее в тебе сидит демон, тем мучительнее будет очищение. Скажи мне имя своего хозяина, и я прекращу.

Он подошел вплотную, и медленно поднес белый камень к моей груди.

В тот момент, когда белый камень коснулся моей кожи, я ожидал огня, но получил нечто худшее. Это не был ожог. Боль родилась глубоко внутри. Ощущение, будто мою внутреннюю пустоту, мою суть, схватили ледяной рукой и начали сжимать в тисках. Я задохнулся, перед глазами на мгновение все побелело от внутреннего давления. Это длилось лишь несколько секунд, но эти секунды были вечностью.

И вдруг... все прекратилось.

Сжимающая боль не просто исчезла – ее сменило нечто противоположное. Из точки, где камень касался моей груди, начало разливаться тепло. Не обжигающее, а приятное, живительное. Оно волной прошло по всему телу, прогоняя холод подземелья, унимая боль в плечах и заживляя ноющий висок. Усталость, висевшая на мне свинцом, начала отступать.

А затем тепло превратилось в силу. Это был чистый поток, который хлынул в меня прямо. Моя внутренняя «пустота» перестала быть пустотой.

Я с удивлением открыл глаза и посмотрел на Валаама. Его лицо было бледным, на нем застыло выражение полного недоумения. Он смотрел на свою руку, на камень, который он все еще прижимал к моей груди.

И я увидел то же, что и он.

Молочно-белый камень, который до этого, казалось, излучал внутренний свет, начал тускнеть. Его свет, его сила, на глазах перетекала в меня. Он становился серым и безжизненным, как обычная галька.

– Что?.. – прошипел инквизитор.

С громким шипением он отдернул руку, словно коснулся раскаленной печи. Камень выпал из его пальцев и с глухим стуком ударился о пол. Валаам смотрел то на свою покрасневшую ладонь, то на меня, и в его глазах впервые за все время я увидел не праведный гнев, а страх. Чистый, первобытный страх перед неизвестным.

– Невозможно... – прошептал он. – Он должен был испепелить твою скверну, а не... питаться ею.

Пару мгновений была тишина и он и я пытались осознать произошедшее.

Валаам открыл было рот, чтобы отдать приказ, но осекся. Ярость в его глазах боролась с суеверным страхом. Наконец, он принял решение.

– Стерегите его, – глухо приказал он своим помощникам. – Ничего не предпринимать до моего возвращения.

Не говоря больше ни слова и даже не взглянув на меня резко развернулся и покинул камеру. Двое монахов, обменявшись тревожными взглядами, заняли посты у двери, не спуская с меня глаз.

Тяжелая дверь захлопнулась. Лязгнул засов.

Я закрыл глаза, опустив голову на грудь, чтобы выглядеть полностью побежденным. Но внутри началась война. Я сосредоточился на ближайшей руне и начал тянуть. Боль была мгновенной и острой. По плечу пробежала мелкая дрожь.

Это была пытка. Я балансировал на лезвии ножа: тянул ровно столько, чтобы знак медленно, гас. Несмотря на холод в камере, по виску медленно поползла капля пота.

Я приоткрыл один глаз и посмотрел на охрану. Один из них, прислонившись к стене, откровенно скучал, глядя в пустоту. Второй, наоборот, был начеку – но все его внимание было приковано к двери, откуда должен был вернуться Валаам.

Убедившись, что они не смотрят, я снова погрузился в свою внутреннюю борьбу. Время потеряло свой счет. Оно превратилось в бесконечный цикл из боли, истощения и упрямой, яростной концентрации. Один символ. Передышка. Следующий. Снова агония. И снова крошечная победа, когда очередной символ на цепи тускнел и гас.

Дверь отворилась. Вошел Валаам, и лицо его было спокойно. Та растерянность, что я видел раньше, исчезла, сменившись холодной, непоколебимой решимостью. За ним вошел один из монахов, который с благоговением нес в руках обитую черным бархатом шкатулку.

Валаам взял шкатулку и открыл ее.

Внутри, на подушечке из алого шелка, лежал терновый венец. Но он был сделан не из дерева. Он был выкован из черного серебра, ветви которого были переплетены в тугой, зловещий обруч. Длинные, острые как иглы шипы, также из серебра, торчали из него под жестокими, неестественными углами. От венца исходило слабое, тошнотворное фиолетовое свечение.

– Если твое Клеймо – это знак твоего демонического хозяина, то мы увенчаем тебя святостью, которая выжжет его дотла, – тихо произнес он, и его голос был лишен всяких эмоций.

Он достал венец из шкатулки и кивнул своим помощникам. Двое монахов шагнули ко мне.

И судя по всему в этот раз мне не отделаться легко.

Инстинкт выживания взял верх. Когда монахи подошли, я забился в цепях, как дикий зверь. Я рванулся из стороны в сторону, мотая головой, пытаюсь уклониться от их рук. Цепи с лязгом натянулись, впиваясь в мои запястья и плечи до боли, но я не обращал на это внимания.

Но все было тщетно. Один монах мертвой хваткой вцепился в мои волосы, с силой откидывая мою голову назад. Второй поднес зловещий серебряный венец к моему лбу.

В первую секунду была лишь физическая боль – острая, слепящая, будто в череп вонзили десятки раскаленных серебряных гвоздей. Я заорал, выгибаясь в цепях.

А в следующую секунду пришел настоящий ужас. Боль физическая стала лишь фоном для боли ментальной. В мое сознание хлынули кошмары. Я снова видел свою семью, но их лица были искажены ужасом и обвинением. Венец не просто пытал тело, он пытался сломать мой дух, доказать мне, что я – один из монстров.

Я был готов на все, лишь бы это прекратилось.

И в этот момент откуда-то со стороны, донесся глухой, еле слышный УДАР. Не взрыв, а скорее звук, будто что-то огромное и тяжелое проломило каменную кладку.

Все в камере на мгновение замерли. Монахи растерянно переглянулись. Валаам поднял голову к потолку, а затем огляделся и посмотрел на меня с презрительной усмешкой.

– Это твой хозяин идет тебя выручать? – пророкотал он. – Уже поздно. Для тебя все кончено, а теперь и для него! Раз он посмел заявиться в святую обитель!

Но он ошибся. Все только начиналось.

Его слова, боль, унижение, отчаяние – все это стало последней искрой. И меня накрыло, окончательно.

Это не было похоже на тот контролируемый всплеск в Зале Усмирения. Это была слепая, первобытная ярость, обретшая форму. Из моей груди вырвалась беззвучная волна чистой, темной энергии.

ХРЯСЬ!

Цепи, сковывавшие меня, лопнули одновременно, разлетаясь в стороны, расколовшись на тысячи осколков. Серебряный венец на моей голове слетел, его фиолетовое свечение погасло.

Монахов отшвырнуло ударной волной, как тряпичных кукол. Они с глухим стуком врезались в стены. Лишь Валаам устоял на ногах, но его лицо было искажено потрясением.

Я рухнул на колени, тяжело дыша. Боль ушла. Кошмары исчезли.

Рев, вырвавшийся из моей груди, был ревом зверя. Сила, хлынула из меня неудержимым, всепоглощающим потоком.

Монахи, которых откинуло к стенам, были первыми. Волна иссиня-черного пламени сорвалась с моих рук, поглотив их. Они исчезли, не издав ни звука, оставив после себя лишь два черных силуэта, выжженных на каменной стене.

Помощник инквизитора, который все еще держал в руках пустую шкатулку, закричал от ужаса. Его крик оборвался, когда второй, более концентрированный жгут пламени ударил ему в грудь.

В комнате остался только один.

Валаам.

Он успел поднять свой серебряный крест, символы на котором пылали. На его лице застыл суеверный ужас. Он смотрел на меня будто на нечто, чего не должно было существовать.

Я медленно поднялся на ноги. Вся моя боль и страх переплавились в холодную, безграничную ненависть. Я просто протянул руку в его сторону и сжал кулак.

Символы на кресте погасли. Валаам открыл рот, но вместо крика из его горла вырвался лишь тихий хрип. А затем он просто опал.

За несколько секунд комната стала пустой.

Мое тело все еще вибрировало от вырывавшейся на волю силы. Ярость, кипевшая во мне, начала медленно остывать, уступая место чему-то другому.

Я стоял один посреди почерневших стен, тяжело дыша.

Рев собственной силы все еще стоял у меня в ушах.

А потом меня повело и я рухнул, голова раскалывалась, я едва мог пошевелиться. А потом я услышал голоса.

Голоса пробивались сквозь вату в ушах, искаженные и далекие, как эхо со дна глубокого колодца.

– Саня... жив... – женский голос, в котором облегчение смешалось с первобытным ужасом. – Что они с ним сделали?..

– ...твою же... что здесь, нахрен, произошло?..

– Тащите его! Немедленно!

Меня поволокли. Мир превратился в бессмысленный калейдоскоп ощущений: шершавая стена тоннеля, о которую меня приложили плечом. Ледяные брызги грязной воды, резкий рывок вверх, будто меня забросили на что-то твердое и вибрирующее. А потом – тишина и темнота.

Я открыл глаза и увидел над собой потертый фанерный потолок. Я лежал на чем-то твердом, и меня качало. Рядом со мной на коленях сидела Лиса. Ее лицо было бледным, в глазах, освещенных тусклым светом, плескался страх. Она что-то говорила, но я не слышал слов. Ее губы двигались, а я снова проваливался в темноту...

Резкая остановка. Дверь со скрежетом отъехала в сторону, впуская полосу тусклого света и запах сырого асфальта. Две пары сильных рук – я узнал хватку Грома и Кайла – подхватили меня и снова куда-то поволокли. Скрип ступеней под ногами, чей-то приглушенный голос... и снова мрак.

Яркий свет ударил по глазам. Я лежал на чем-то мягком. Надо мной склонились несколько размытых силуэтов. Голоса были уже четче, но все еще казались далекими. – ... не сработает, я же сказал. – Но это лучшее, что у нас есть... – Его природа изменилась... Я чувствовал, как что-то холодное коснулось моего виска, зашипело и тут же испарилось. Следом тоже самое произошло с рукой. Боль не ушла. Темнота снова позвала меня, и я не стал сопротивляться.

Пробуждение. Когда я открыл глаза в следующий раз, свет был уже мягким, приглушенным. Я лежал на старой кушетке в незнакомой комнате, пахнувшей травами и антисептиком. Надо мной склонился пожилой мужчина в заляпанном халате. Он молча изучал меня поверх очков.

Я попытался сесть, но тело было свинцовым.

– Где я? – прохрипел я, и собственный голос показался чужим. – Что... что случилось?

– Тише, тише, молодой человек. Резкие движения вам сейчас ни к чему, – сказал тихий успокаивающий мужской голос.

Рядом с кушеткой, в старом, потертom кожаном кресле сидел пожилой мужчина. На вид ему было около шестидесяти: аккуратно подстриженная седая борода, густые волосы с проседью, зачесанные назад, и глубокая сеть морщин у глаз. Но стариком он не казался. Прямая спина, широкие плечи, которые не мог скрыть даже свободный свитер, и спокойный, невероятно пронзительный взгляд говорили о человеке, привыкшем к дисциплине и действию.

Он резким движением поднялся и подошел ко мне, после чего помог приподняться и подложил под спину подушку. Я огляделся. Мы были в просторной комнате, похожей на библиотеку или кабинет. Стены от пола до потолка были заставлены книжными стеллажами, забитыми как современными медицинскими справочниками, так и древними, обтянутыми кожей томами без названий.

Я опустил взгляд на свои руки, и сердце пропустило удар. На правом предплечье, там, где меня коснулись щипцы монаха, кожа была сморщенной и белесой, как у столетнего старика. Уродливый, мертвый шрам. В памяти тут же вспыхнула картина: я стою посреди пепла, а из моих рук рвутся жгуты черного пламени.

Я потряс головой, отгоняя видение.

– Где я? И кто вы такой?

Глава 4

– Тише, молодой человек. – сказал тихий, но властный мужской голос.

Рядом с кроватью, в старом кожаном кресле сидел пожилой мужчина. На вид ему было около шестидесяти: аккуратно подстриженная седая борода, густые волосы с проседью и спокойный, невероятно пронзительный взгляд.

Он поднялся, и я увидел, что под его свитером угадывались широкие плечи.

– Меня зовут Арсений Игнатьевич, – ровно ответил он. – А вы – в безопасном месте. Большого вам пока знать не нужно.

Дмитрий Сергеевич... Кайл. Воспоминания о спасении были рваными, как в лихорадке. Я помнил их голоса, но были ли это они? Или мое воображение, отчаянно цепляющееся за надежду?

Я попытался сесть. Тело отозвалось такой слабостью, что голова закружилась. Арсений Игнатьевич сделал шаг и, легко перехватив мою руку, помог сесть. Его хватка была твердой, как сталь.

– Сколько я здесь? – спросил я, отбросив вежливость. – Здесь – сутки. До этого трое – у Волконских провел, – хмыкнул он. – Дмитрий Сергеевич доставил тебя вчера ночью. Они скоро вернутся.

Я перевел взгляд на окно. Сквозь щели в шторах виднелась зелень деревьев. Решеток не было. Это немного успокоило.

Значит, точно они. Не бросили. Рискнули и вытащили идиота. Да еще и к Волконским отвезли лечиться.

– Вставай, – неожиданно приказал Арсений Игнатьевич. – Прогуляемся. Воздух пойдет тебе на пользу.

Он протянул мне небольшой пузырек с мутной, пахнущей травами жидкостью. Я с недоверием посмотрел на склянку. – Что это? – прохрипел я. – Стимулятор. Поможет и поставит тебя на ноги, – коротко пояснил он.

Я залпом осушил пузырек. Горький, с привкусом болотной тины и чего-то еще, неопишимо отвратительного. Шмурдяк. По телу тут же разлилось тепло, прогоняя слабость.

Спустя пару минут мне полегчало. – Пойдемте, – сказал я уже более твердым голосом.

Опираясь на его плечо, я вышел из дома. Мы оказались на небольшой веранде, спускающейся в ухоженный сад. А за садом начинался густой сосновый лес. Воздух был чистым и прохладным, наполненным пением птиц. После каменных мешков монастыря эта тишина и покой казались почти нереальными.

Арсений Игнатьевич довел меня до старой деревянной скамейки под раскидистой сосной и отошел обратно к дому, оставшись стоять на веранде. Он не уходил. Он наблюдал.

Я опустил на скамейку. Тишина. Этот мирный пейзаж казался кошунством после того ада, из которого я вырвался. Я закрыл глаза, и картины из пыточной камеры тут же встали перед глазами. Черное пламя, срывающееся с моих рук. Лица, искаженные ужасом за мгновение до того, как превратиться в пепел. Валаам, оседающий на пол...

Я убил их.

Это осознание было холодным и тяжелым. Я убивал и раньше, но это всегда были демоны. Та сила, что вырвалась из меня, была дикой, неконтролируемой.

Неужели тот «дефект», который мучил меня всю жизнь, исчез? Или... или церковники были правы, и они своими пытками просто сняли сдерживающую печать, выпустив на волю нечто ужасное?

Я сосредоточился, пытаюсь дотянуться до своего источника. Я почувствовал отклик – слабую, едва заметную искорку где-то в глубине. Но это было все. Сила была там, но она была

истощена. Как пересохший колодец после засухи. Та яростная вспышка осушила все резервы. Я вспомнил лекции из Академии: на пороге смерти магия инстинктивно сжигает себя, поддерживая жизнь дольше, чем у обычного человека. Похоже, именно это со мной и произошло.

Арсений Игнатьевич встретил меня на веранде и, ничего не спрашивая, помог дойти до кровати. Я рухнул на нее и он протянул мне еще одно зелье и выпив его, я почти мгновенно провалился в тяжелый сон без сновидений.

Проснулся я от приглушенных голосов. Солнце уже стояло высоко. У моей стояла целая делегация, вся команда. Лиса, Гром, Ворон и Кайл.

– Саня! – первой прореагировала Лиса. На ее лице была смесь безграничного облегчения и все еще не прошедшей тревоги. Она бросилась ко мне и крепко, но осторожно обняла.

– Ты живой... Мы так волновались.

Гром по-отечески хлопнул меня по плечу. Даже Ворон, вечно невозмутимый, позволил себе слабую тень улыбки. Они были рады, что я жив.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Кайл, присаживаясь на стул рядом.

– Как будто по мне проехал каток, – честно ответил я. – Но в целом... жить буду. Что там? Все плохо?

Кайл потер переносицу.

– Церковники официально заявили о нападении на их монастырь. Утверждают, что схватили охотника-еретика, но диверсионная группа отбила его, убив четырех служителей, включая иеромонаха Валаама. Они требуют выдать нас.

Мое сердце ухнуло в пятки.

– Но... они же не знают, что это были вы? – выдохнул я. Подставлять тех, кто рискнул и вытащил меня. Не хотелось от слова совсем.

– Прямых улик у них нет, – подтвердил Кайл. – Управление все отрицает. И тут начинается самое интересное. Мы выкатили им встречную претензию. Какого черта они похитили нашего сотрудника и пытали его? И в отрицалово пришлось уйти уже им. Так что сейчас идет жесткая политическая перепалка. Они кричат «убийцы», мы кричим «похитители», – усмехнулся Кайл довольно.

Видимо вся эта ситуация доставляла ему какое-то удовольствие.

– И чем это кончится? – спросил я.

– Пока неясно, – Кайл помрачнел. – Скорее всего, замнут дело, чтобы избежать полноценного скандала. Но на нас теперь будут смотреть под микроскопом. А на тебя – в особенности.

Лиса села на край кровати.

– Саня, расскажи, что там произошло? – тихо спросила она. – Мы услышали крик, а когда ворвались в камеру... там были только выжженные стены. Это ты их... убил?

Я посмотрел на свои руки.

– Я не знаю, – честно сказал я. – Они надели на меня этот венец... было очень больно... а потом... ярость. Я не контролировал себя. Оно просто вырвалось.

Коллеги?! Нет, друзья молчали, пытаюсь осмыслить мои слова.

Они пробыли в гостях не долго. Им нужно было возвращаться и изображать, что все тихо спокойно и они не причем. Они оставили мне чистую одежду, новый коммуникатор и строгий приказ Кайла – сидеть тихо и ждать его дальнейших инструкций.

Следующие пару дней я провел в доме Арсения Игнатьевича. Он не задавал вопросов, лишь молча приносил еду и свои отвратительные на вкус, но удивительно эффективные настойки. Силы возвращались.

На третий день я почувствовал, что готов.

Я вышел в сад и закрыл глаза, потянувшись к источнику. Который в этот раз был полон.

Вытянув руку, я попытался создать простейшее заклинание – огненный шар. На моей ладони, без малейшего усилия, он вспыхнул.

«Вроде работает. А сейчас проверим, изменилось ли чего? По-прежнему со мной мой дефект или он ушел?» – промелькнуло в мыслях.

Мой взгляд метнулся к старой, высокой сосне, стоявшей метрах в десяти от края сада. Идеальная цель.

Я сотворил заклинание «Воздушный кулак» наполняя его магией, и направил. Заклинание должно было распасться, но в этот раз все было по-иному.

Воздушный кулак мгновенно, беззвучной стрелой вонзился в смолистую кору. В тот же миг раздался оглушительный, сухой треск, как от удара молнии. Ствол сосны в месте удара просто разнесло в щепки. Огромное дерево накренилось, заскрипело и с оглушительным грохотом рухнуло, сотрясая землю.

Я в ужасе смотрел на содеянное.

– Впечатляюще, – раздался за спиной спокойный голос.

На веранде стоял Арсений Игнатьевич. На его лице играла слабая, едва заметная улыбка.

– Я... я не хотел! – выпалил я. – Оно просто... вырвалось! Я все возьму!

– Не нужно, – он медленно спустился с веранды. – Ты приходишь в себя. Твоя магия стабилизируется. То, что ты сейчас сделал, – он кивнул на расколотую сосну, – плохой контроль. Ты много вложил. Вроде взрослый и такой хреновый контроль словно ты не знаешь сколько нужно. Даже странно, – задумчиво он посмотрел на меня.

Я же лишь пожал плечами и сам покосился на сломанную сосну.

А в голове радостным набатом било «Я стал нормальным магом, у меня нет дефекта. Ура! Ура!».

Хотелось пуститься в пляс, но под взглядом старика я сдержал себя.

– Арсений Игнатьевич, а вы откуда все это знаете? – спросил я прямо...

– Много пожил, много видел, – с усмешкой ответил он. – Раньше меня звали капитан Виденеев. Я был охотником.

– Так вот откуда вы знаете Кайла... – ошеломленно протянул я.

– Не просто знаю. Он был в моей команде, – в глазах Арсения Игнатьевича промелькнуло теплое воспоминание. – Я взял его к себе совсем еще мальчишкой. Горячий, упрямый как черт, но с такими инстинктами, каких я не видел ни до, ни после. Я научил его всему, что знал. Так что, когда он позвонил и сказал, что у него есть боец с «нестандартной проблемой», я не мог отказать.

Он снова посмотрел на меня, и на этот раз его взгляд был острым, как скальпель.

– Я, признаться, ожидал другого. – Не хочешь рассказать?

Мы медленно пошли по саду. Тишина и уединение этого места действовали успокаивающе. Я рассказал Арсению Игнатьевичу все.

– И они «помогли» ну по крайней можно так считать, – усмехнулся я.

– Они не помогли тебе. Они просто сорвали пломбу с твоего источника которая тебе мешала, грубо и жестоко, но это сработало, тут не поспоришь. Правда неизвестно чем это может для тебя обернуться. Твои друзья спасли твое тело. Теперь наша задача – сделать так, чтобы ты не потерял свою душу. Я помогу, если ты, конечно, этого хочешь.

– Очень хочу, – не раздумывая, выпалил я.

– Значит завтра поработаем с тобой, – ухмыльнулся бывший капитан и направился в дом. Хотя бывают ли на нашей службе бывшие.

Я опустил на скамейку. Радость от того, что дефект исчез, быстро сменилась тревогой. Если обычный «Воздушный кулак» из-за отсутствия контроля стал таким, то что стало с моей куда более опасной способностью? С моей зоной тишины, с моей антимагией! Пропала ли она?

Я закрыл глаза и потянулся к знакомому ощущению внутренней пустоты, попытался, как и раньше, соединить свою магическую силу с ледяным холодом проклятья.

Ничего.

Я попробовал снова, концентрируюсь сильнее. Но там, где раньше был вакуум, холодная дыра, теперь плескалась моя собственная, окрепшая сила. Она была теплой, живой, полной до краев. Старый ключ больше не подходил к новому замку.

Мысли лихорадочно заработали. Раньше это была пассивная аномалия, которая просто существовала внутри меня. В пыточной камере ярость заставила ее *взорваться*. Значит, принцип изменился.

Что, если теперь это не пустота, которую нужно «выпустить», а сила, которую нужно *направить*? Не отсутствие магии, а ее активное **подавление**.

Идея была простой и пугающей.

Я снова закрыл глаза. Но на этот раз я не искал холод. Я сосредоточился на тепле своего собственного, полного источника. И представил, как моя сила выплескивается наружу не огнем или воздухом, а невидимой, всепоглощающей волной, которая гасит саму суть магии на своем пути.

Я почувствовал колоссальное напряжение. Это было похоже на попытку удержать воду в решете. Магия утекала из меня с пугающей скоростью. Но воздух вокруг изменился. Он стал мертвым, стерильным.

Сработало.

Я тут же оборвал поток, пошатнувшись. Голова закружилась от опустошения. Поле хлопнулось. Я же почувствовал опустошение источника. Четверть. Четверть запаса за три секунды. В затыжном бою это верная смерть.

Эффективность. Контроль. Это единственное, что имело значение.

Я снова попытался. На этот раз я не просто выпускал волну, а пытался силой воли удержать ее, сжать в плотную, непроницаемую сферу вокруг своего тела на расстоянии метра. Пот градом покатился со лба. В ушах зазвенело от напряжения. Магия утекала, но уже не так стремительно. Я чувствовал, как вокруг меня образовался тонкий, вибрирующий кокон тишины радиусом не больше вытянутой руки. Расход маны упал, но концентрация требовалась запредельная.

«Держать...» – прохрипел я сквозь стиснутые зубы.

А теперь – расширить. Я мысленно толкнул невидимую стену наружу. Пять метров. Расход магии тут же вырос в несколько раз. Я смог продержаться поле всего пару секунд, прежде чем оно с хлопком исчезло, и я рухнул на колени, тяжело дыша.

Итак, вот новые правила. Это больше не работает пассивно. Это активная способность. Расход энергии прямо пропорционален радиусу и времени. Оружие последнего шанса. Игрушка, которая сжигает топливо быстрее, чем мой «Цербер». Нужно учиться использовать ее с умом.

Оставшийся день я просто отдыхал и размышлял, о своей глупости. И да поступил шлупо и не аккуратно, надо было хотя бы прикрытием озаботиться прежде чем идти к церковникам. Но кто же знал, что они такой вытворят!

Вечером с Арсением Игнатьевичем поужинали и я завалился спать.

Я проснулся с ощущением, которое почти забыл – с чувством отдыха.

Когда я вышел на веранду, Арсений Игнатьевич уже был там. Он сидел в плетеном кресле и пил чай.

– Выспался? – спросил он, не поворачивая головы.

– Да. Спасибо. За все. – Благодарить будешь потом, если выживешь, – беззлобно ответил он. – Иди за мной.

Он привел меня на небольшую, идеально ровную поляну в лесу.

– Здесь, – сказал он.

– Символы по периметру не дадут твоей силе привлечь ненужное внимание. Забудь все, чему тебя учили в академии. Твоя проблема не в том, как создать магию, а в том, как ее контролировать. Отмерять ровно столько на создание заклинания, сколько надо!

Он достал из кармана обычную восковую свечу, поставил ее на пень и зажег.

– Задача простая, Зверев. Используя магию воздуха, отклони пламя так, чтобы оно не погасло.

Я сосредоточился. Это казалось элементарным. Я потянулся к источнику и направил тончайший, как мне казалось, импульс воздуха. Пламя тут же погасло, оставив после себя лишь тонкую струйку дыма.

– Слишком грубо, – без эмоций констатировал Арсений. Он снова зажег свечу. – Ты не толкаешь воздух. Ты им управляешь. Представь не порыв ветра, а теплое дыхание.

Я пробовал снова и снова. Пламя то гасло, то, наоборот, яростно разгоралось от избытка влитой энергии. Я стиснул зубы от напряжения. Час за часом я пытался нащупать эту грань, научиться не выплескивать силу, а дозировать ее, отмерять по капле.

Наконец, когда солнце уже начало клониться к закату, у меня получилось. Пламя свечи плавно изогнулось, вытянулось в тонкий язычок.

– Вот теперь, – сказал он, – тренировка действительно началась.

Мы перешли уже к созданию известных мне заклинаний и контролю над ними. От своих щедрот Арсений Игнатьевич, научил меня даже парочки заклинаний. Ледяное копье, магическая мина, водный хлыст и огненный щит и огненную стену.

Неделя пролетела незаметно.

Я полностью восстановился. Научился контролировать свою силу и вливать нужное количество маны. Я почти привык к этой тихой, уединенной жизни. Все изменилось в один из вечеров.

Я стоял на поляне, когда раздался звонок коммуникатора. Кайл.

– Саня, – голос капитана был усталым. – Ты как?

– В порядке. Готов вернуться.

– Политическая война в самом разгаре, – произнес Кайл с тревогой в голосе.

– Мы отбились от нападков церковников. У них нет доказательств, у нас тоже. Тупик. Но есть одна проблема. Их главное обвинение – в том, что ты демонопоклонник – пустило корни. Наши начальники в Управлении занервничали. Они хотят провести собственную проверку. Официально – «чисто для проформы», чтобы закрыть претензии. Но ты сам понимаешь...

Я похолодел.

– Они хотят провести меня через мозгокрутов?

– Да, – подтвердил Кайл. Да пару ритуалов еще! Я тянул сколько мог. Но больше откладывать нельзя. Арсений Игнатьевич сказал, что ты стабилен. Пора возвращаться и разбираться с этим. Мы ждем тебя в отделе.

Глава 5

Арсений Игнатьевич проводил меня до такси. Он не говорил ни слова. Его пронзительный взгляд, казалось, буравил меня насквозь, оценивая, хватит ли у меня стержня выдержать то, что ждет впереди. Лишь когда я взялся за ручку двери неприметного седана, который прислал Кайл, он коротко бросил:

– Держи голову холодной, Зверев. Они будут искать слабость. Любую.

Я молча кивнул и сел в машину.

Дорога из тихого, умиротворяющего пригорода обратно в ревущий, суетливый город казалась путешествием между двумя разными мирами. За окном зелень леса сменилась серым бетоном спальных районов, а затем – яркими витринами центра. Десятки машин, спешащие по своим делам люди, смеющиеся студенты...

Совсем недавно я был частью этого потока, спешил за пельменями, злился на бытовые мелочи. Теперь я смотрел на них, как из-за толстого стекла аквариума. Я был здесь, но я больше не был с ними. Тот парень умер в пыточной камере монастыря.

Машина высадила меня у знакомого здания общаги, и я поднялся в свою каморку. Здесь ничего не изменилось. Все тот же легкий беспорядок, та же стопка книг на столе. Моя прошлая жизнь, законсервированная, как музейный экспонат. Я машинально открыл холодильник. Пусто. Иронично. Раньше это бы меня разозлило. Сейчас я не почувствовал ничего, кроме глухого безразличия.

Я облачился в привычную серую форму охотника. Но что-то было не так. Ткань, которая раньше ощущалась второй кожей, теперь казалась чужой, жесткой.

Прибыв в отдел я сразу направился в наш кабинет. Коридоры гудели обычной утренней суетой: сновали сотрудники, слышались обрывки разговоров, пахло кофе. Но для меня все было иначе. Разговоры замолкали, когда я проходил мимо. Смех сменялся напряженным молчанием. Я чувствовал на спине десятки любопытных, настороженных взглядов.

Шепот следовал за мной, как тень.

«Это он... Тот самый... Говорят, он якшается с демонами...».

Я был больше не Саня Зверев, один из них. Я был прокаженным. Потенциальным предателем, которого терпят до поры до времени.

Стиснул зубы и, не ускоряя шага, дошел до двери нашего кабинета. Толкнул ее и вошел.

Контраст ударил, как пощечина.

– Саня! Вернулся! – Гром первым поднялся мне навстречу, и его широкая улыбка была абсолютно искренней. Он крепко, но аккуратно стиснул мое плечо.

Лиса тоже подошла. В этот раз она не бросилась меня обнимать, но в ее теплом, тревожном взгляде было столько облегчения, что слова были не нужны. Даже Ворон оторвался от своих склянок и коротко кивнул мне, что по его меркам было равносильно бурным овациям.

Они были рады, что я снова в строю.

– Я тоже рад вас видеть, – сказал я, и это была чистая правда. – Лиса, один вопрос... мой «Цербер»? Я ведь оставил его у монастыря.

– Тебя только это сейчас интересует? – с легкой обидой в голосе спросила Лиса, но тут же смягчилась. – Да, все в порядке с ним. После того как мы... тебя забрали, я позвонила Дыму. Он со своими парнями съездил туда ночью и забрал его. Так что твой конь в целости и сохранности, ждет тебя в его ангаре.

– Спасибо, – искренне сказал я.

Она на мгновение замялась, а потом добавила, понизив голос: – Тут... Светлана приходила. Несколько раз. Спрашивала, где ты, почему не отвечаешь.

Я похолодел. Светлана. Последнее, о чем я мог думать.

– И что ты ей сказала?

– Сказала, что ты на срочном оперативном задании, без связи. Что с тобой все в порядке, но когда вернешься – неизвестно. И кстати... она милая.

Я кивнул, не зная, что ответить. Еще одна проблема, которую придется разгрести.

– Так, хватит сантиментов, – произнес Кайл, входя в кабинет с папкой в руках. Он выглядел уставшим, но собранным. – Здоров, Сань.

Он пожал мне руку и, дождавшись, пока Лиса закроет дверь, бросил папку на стол.

– Слушай внимательно, – начал Кайл без предисловий. – Через два часа за тобой придут из ОСБ. Проверку ведет лично полковник Лебедев. С ним будут менталисты – лучшие «мозгокруты» Управления.

В комнате повисла тишина, тяжелая, как гранитная плита.

– Они будут копать, – продолжил Кайл, глядя мне прямо в глаза. – Искать все. Твоя задача – не сопротивляться. Ни ментально, ни физически. Любая защита может быть расценена как признание вины. Они должны увидеть все и убедиться, что ты не предатель. Это приказ.

Мы не успели больше ничего обсудить. Дверь в кабинет открылась без стука.

На пороге стояли двое.

Они были одеты в идеально скроенные черные костюмы из плотной, матовой ткани, не отражающей свет. Никаких знаков отличия, никаких нашивок. Лица – одинаково пустые, непроницаемые, лишены любых эмоций. Они двигались синхронно, без единого лишнего звука, словно были не людьми, а безупречно отлаженными механизмами, созданными для одной цели. Это была Служба Внутренней Безопасности.

– Александр Зверев, – голос одного из них прозвучал ровно и безжизненно, как у синтезатора. – Вы должны проследовать с нами.

– Пару часов, значит, – с горькой усмешкой выдохнула Лиса.

Кайл медленно поднялся, вставая между мной и ними.

– Я его провожу, – твердо сказал он.

– В этом нет необходимости, капитан, – отрезал второй «костюм», даже не взглянув на него. – У нас есть приказ.

Кайл посмотрел на меня, и во взгляде его я прочел свой собственный приказ: «Не сопротивляйся. Делай, как я сказал».

Я молча кивнул.

Команда провожала меня взглядами, полными бессильной ярости.

Я вышел из кабинета, и двое «теней» тут же заняли позиции по бокам от меня, ведя по коридору.

Весь отдел замер. Разговоры смолкли. Десятки сотрудников, техников, аналитиков – все молча смотрели, как меня ведут под конвоем. В их взглядах была смесь любопытства, жалости и страха.

Мы вышли на служебную парковку. Там, где обычно стояли наши фургоны, нас ждал тяжелый бронированный автомобиль черного цвета, без окон и номеров. Боковая дверь с шипением отъехала в сторону, открывая темное, пустое нутро.

Меня бесцеремонно подтолкнули внутрь. Дверь с таким же шипением закрылась, отрезая меня от света, звуков и моей команды. От всего мира.

Фургон тронулся. Мы ехали в полной тишине. Наконец, машина остановилась. Дверь открылась, и я увидел безликое здание из серого бетона и тонированного стекла.

Меня повели не через главный вход, а по гранитной лестнице вниз. Массивная дверь отворилась, мы шли по длинному, стерильно-белому коридору, где каждый мой шаг гулко отдавался эхом. Остановившись перед стальной, звукопроницаемой дверью без ручки. Один из конвоиров приложил ладонь к панели, и дверь бесшумно отъехала в сторону.

Это была небольшая, пустая комната, где не было ничего, кроме металлического кресла для допросов, вмонтированного в центр пола.

– Ожидайте, – сказал один из конвоиров, и дверь за мной с шипением закрылась, оставив меня в полном одиночестве и звенящей тишине.

Прошел, наверное, час. Классический прием психологического давления. Я сидел на холодном полу, пытаюсь контролировать дыхание, отгоняя панику.

Дверь снова открылась. Вошел человек без возраста и эмоций на лице. Его глаза – спокойные, пустые и оттого вызывающие иррациональный страх – посмотрели не на меня, а, казалось, сквозь меня. Он не сказал ни слова. За ним вошли двое охранников, которые рывком подняли меня и усадили в кресло. Мягкие фиксаторы плотно, но не больно, обхватили мои запястья, лодыжки и грудь.

Менталист подошел и положил свои ладони мне на виски.

Ледяной холод потек по коже, проникая не в плоть, а глубже, прямо в череп. Давление нарастало, словно в мозг медленно вкручивали две невидимые иглы. Я стиснул зубы, но крик был бесполезен. Я был в ловушке в собственном сознании.

И тогда в голове раздался чужой, бесцветный голос. *«Кто тебя вытацил?»*

Мир взорвался рваными образами. Я видел не своими глазами, а словно смотрел запись с камеры. Рык Грома, разнесшийся по подземелью... Лицо Лисы, искаженное ужасом и облегчением, когда она увидела меня... Хватка Кайла, выволакивающего мое обмякшее тело из этого ада...

Вторжение стало глубже. Давление усилилось.

«Что произошло в камере? Ты служишь им?»

Я снова был там, на алтаре. Серебряные шипы «тернового венца» опять впились в мой череп. Боль была не воспоминанием, а реальностью, острой и всепоглощающей. Я чувствовал унижение, отчаяние... а потом – ярость. Слепую, первобытную ярость, которая прорвала плотину. Из моей груди вырвалась волна черного пламени. Я видел ужас на лицах монахов, за мгновение до того, как они превратились в пепел. Менталист рылся в этом хаосе, искал приказ, искал хозяина, но находил только мою собственную, вырвавшуюся на волю тьму.

Он не нашел того, что искал. И тогда он полез дальше.

Учеба в академии, сиротский дом, а потом...

Агония пытки сменилась теплым летним днем. Парк. Мне снова пять лет. Я бегу по траве, смеюсь. Мама зовет меня, ее голос такой живой. Отец подхватывает меня на руки, и его ладони кажутся огромными и надежными...

А потом – рев. Запах серы. Крик матери. Ледяной холод когтя на моей груди, оставляющий не просто шрам на теле, а клеймо на душе.

Контакт оборвался так же резко, как и начался.

Я обмяк в кресле, задыхаясь. По лицу текли слезы, смешиваясь с холодным потом. Я был разбит, опустошен, вывернут наизнанку.

Дверь открылась. Вошел полковник. Он даже не взглянул на меня, его холодные глаза были устремлены на менталиста. Тот, не меняя выражения лица, доложил сухо и безэмоционально:

– Признаков сознательного сотрудничества с демоническими сущностями не обнаружено. Источник силы – аномалия, активированная травмой в детстве. Объект нестабилен и представляет потенциальную угрозу.

– Заключение ясно, – ледяным тоном произнес он. – Признаков скверны нет, но вы – аномалия. Нестабильная и неклассифицируемая. До дальнейшего выяснения обстоятельств вы переводитесь в Карантинный блок. Увести его.

Фиксаторы на кресле с шипением убрались. Двое сотрудников ОСБ тут же вошли и схватили меня под руки. Все было кончено. Из одной тюрьмы в другую, возможно, навсегда.

Дверь снова, плавно отъехала в сторону.

На пороге стояли трое. Кайл. Арсений Игнатьевич. И высокий мужчина в идеально отглаженном генеральском мундире.

– Боюсь, это невозможно, полковник.

– Товарищ генерал, – сдержанно, но с нескрываемым раздражением произнес Лебедев. – Это закрытая процедура.

– Я знаю, полковник, – ровным голосом ответил генерал, делая шаг в лабораторию. – Я все слышал. Охотник Зверев не является демонопоклонником. Именно в этом он обвинялся. Дело можно считать закрытым.

– Протокол требует немедленной изоляции подобных объектов, – напрягся Лебедев, не желая отступить.

– Протокол также требует разумного подхода, – отрезал генерал. – Капитан Виденеев берет на себя полную и личную ответственность за дальнейшее обучение и контроль охотника Зверева. Я санкционирую перевод объекта на специальную подготовку под его кураторство. Или у вас есть возражения против моего прямого приказа?

– Но он же отставник, бывший охотник, – с последней надеждой возразил Лебедев.

– Полковник, ты знаешь, что у нас бывших не бывает, – ответил генерал, и в его голосе прозвучала сталь.

Это был шах и мат. На лице Лебедева промелькнула и исчезла гримаса ярости.

– Приказ ясен. Возражений нет, товарищ генерал, – процедил он сквозь зубы. Он бросил на меня короткий, полный ненависти взгляд.

Сотрудники ОСБ тут же отпустили мои руки. Кайл подошел и по-отечески хлопнул по плечу.

– Пошли отсюда, Саня, – тихо сказал он.

Мы вышли из холодного, бездушного здания на служебную парковку. Солнце показалось ослепительно ярким и теплым.

У черного седана Кайл повернулся к Генералу.

– Семен Ильич, спасибо вам, – искренне сказал он. – Я ваш должник.

– Ты мне ничего не должен, Дмитрий, – спокойно ответил генерал, но потом его тяжелый, пронзительный взгляд остановился на мне. Он подошел ко мне вплотную.

– Зверев, – его голос был тихим, но в нем чувствовалась огромная сила. – Полковник Лебедев готов был прогнуться под Орден. Сдать нашего бойца, чтобы замять скандал. Я не терплю, когда Управление проявляет слабость.

Он смотрел мне прямо в глаза, и я чувствовал, как его взгляд проникает в самую душу.

– То, что ты можешь – уникально. Арсений сделает из тебя не просто охотника. Он сделает из тебя... решение определенных проблем. Очень специфических проблем. Я надеюсь, что не ошибся, поставив на тебя. Не разочаруй меня.

Он не дожидаясь ответа. Коротко кивнув Кайлу и Арсению, и сел в машину. Дверь бесшумно захлопнулась, и черный седан уехал.

– Ну что, Саня, – Арсений Игнатьевич хлопнул меня по плечу. – Генерал сказал свое слово. Пора возвращаться к тренировкам. Машина ждет.

Он направился к тому же неприметному автомобилю, на котором я приехал в отдел.

– Саня, – позвал меня Кайл, когда мы остались одни. – Поезжай с Игнатичем. Отдохнешь и потренируешься. Я разберусь с делами здесь и свяжусь с тобой. И... постарайся не натворить дел. Теперь за тобой смотрит не только церковники.

Я молча кивнул и пошел к машине.

Всю дорогу до дома Арсения мы ехали в молчании. Я пытался осмыслить слова генерала, но они ускользали от меня.

– Арсений Игнатъевич, – наконец не выдержал я. – Что он имел в виду под «решением определенных проблем»?

Старик усмехнулся, не отрывая взгляда от дороги.

– Генерал Воронцов играет вдолгую, Саня. Для него сегодня было не только твое спасение, но и щелчок по носу Церковников. Он показал, что мы своих не сдаем, даже если это грозит политическим скандалом и поверь многие это оценят!

Он сделал паузу, давая мне переварить сказанное.

– А ты... ты его новый козырь в рукаве. Думаешь, наши главные враги – только демоны? Есть маги, которые сходят с ума от власти. Есть магистры, которые решают, что закон им не писан, и устраивают свои темные дела. Есть негаторы, способные подавлять магию. Но они – известный фактор, к ним привыкли, против них есть решения.

Он покосился на меня, и в его глазах блеснул острый огонек.

– А ты, с твоей «зоной тишины», которая возникает из ниоткуда и гасит все подряд – ты сюрприз. «Нежданчик», как говорит молодежь. Оружие, против которого защиты нет. Генерал сделал на тебя ставку. Если ты станешь тем, кем он хочет, – прекрасно. Если нет... что ж, он не сильно рискует.

Я откинулся на спинку сиденья и посмотрел в окно. Я думал, что меня спасли. Но меня не спасли. Меня перевели из одной клетки в другую, просторнее и с позолоченными прутьями. Из подопытного пленника церковников я превратился в козырную карту в руках генерала. И я не был уверен, что эта роль мне нравится больше.

Глава 6

Дорога до дома Арсения Игнатъевича прошла в молчании.

Зайдя в комнату, я сразу рухнул на кровать, ведь тяжелая усталость навалилась разом.

Проснулся я от запахов. Арсений Игнатъевич в гостинной сидел за столом и завтракал.

При виде меня он кивнул, и дождавшись когда я подойду и поздороваюсь, он начал разговор:

– Слушай сюда, Зверев. У тебя есть сила, которую наверно никто не понимает, как в прочем ты и сам. Она – как дикий, необъезженный конь, которого надо объездить.

Он поставил кружку на стол.

– Я – тот еще учитель, жалеть и рассусоливать не буду. Времени у нас не много, но я попробую передать тебе свой опыт. Не академическую чушь, а то, что помогает выжить в реальной мясорубке. Я научу тебя не просто швыряться заклинаниями, а думать, как охотник. Рассчитывать свой запас сил, бить точно в цель.

Он подался вперед, и его голос стал жестче.

– Это даст тебе шанс не просто выжить, а получить определенную свободу и вес. А если не справишься, – он откинулся на спинку стула, и пристально на меня посмотрел, – сам понимаешь немаленький. Выбор за тобой. – Вопросы есть? Вопросов нет. Завтракай, умывайся, я буду на веранде.

Он вышел, оставив меня одного с кружкой чая и своими мыслями.

Перекусив, я понял, что пора бы и со Светой поговорить. Пальцы сами нашли в контактах ее номер.

Гудки тянулись вечностью.

– Саша! – ее голос был полон тревоги и облегчения. – Я так волновалась! С тобой все в порядке? Где ты? Что случилось?

Я закрыл глаза, подбирая слова.

– Привет. Да, все нормально. Просто... срочное задание, за городом. Связи почти нет, – я старался, чтобы голос звучал как можно более буднично.

– Задание? Надолго? Ты вернешься скоро? – в ее голосе слышалась надежда, и от этого стало только хуже.

– Не знаю, – честно ответил я. – Как только смогу, сразу наберу. Обещаю.

Я повесил трубку, выдохнув и направился в ванну, умывшись я вышел на улицу.

– Ну пойдем, учинечок, – усмехнулся он и повел на всю тужу поляну, где я занимался.

– Ты думаешь, как дуэлянт из «Ямы», – начал он без предисловий. – Один яркий удар, поклон, аплодисменты. Вся твоя тактика сводится к тому, чтобы выплеснуть максимум силы и снести противника одной атакой. Благо дали с твоим делом ознакомиться.

Я молчал. Он был прав, в особенности в последнее время я так и действовал.

– Забудь об этом, – его голос был твердым, как камень. – Работа охотника – это не дуэль. Это – грязная, затяжная война. За одну смену у тебя может быть три вызова. Четыре. Пять. И каждый раз – не показуха для зрителей, а бой на выживание.

Он сделал шаг ко мне, и его взгляд стал еще жестче.

– А теперь представь, что ты потратил все силы на первом вызове?. Что ты будешь делать на третьем, когда из темноты на тебя полезет настоящая тварь, а твой источник будет почти пуст? Будешь кидаться в нее камнями? Или бегать и орать спасите помогите? Надеюсь на команду?

Его слова были холодными и жестокими, но били точно в цель. Я вспомнил бой в порту, как я выдохся, влив всю силу в один удар. Если бы там был еще один демон, я бы стал трупом.

– Магия для охотника, – продолжил Арсений, – это не пушка, из которой палят один раз. Это скальпель, патроны и аптечка в одном флаконе. Каждое твое заклинание должно иметь

четкую цель. Каждый потраченная капля маны должен окупаться. Ты должен научиться воевать не силой, а головой. Иначе ты – однажды окажешься пустой перед врагом. Никогда нельзя оставлять источник пустой. Всегда должно оставаться минимум на три заклинания. Щит или огненное копье неважно.

– Я понял, – кивнул я.

– Вот и отлично, – хмыкнул он. – Я посмотрю, как быстро до тебя дойдет. Опять же, твой враг не всегда будет демоном. Это может быть другой маг. Умный, быстрый и хитрый. И он не будет стоять на месте. На дуэли или на задании, это не важно.

Он топнул ногой. В земле, по всей поляне, вспыхнули и тут же появились и погасли едва заметные символы.

– Минное поле на магической основе, – осклабился он. Простейшие сигнальные и парализующие ловушки. Твоя задача – пересечь поляну, не активировав ни одной. Используй все, что знаешь.

Я кивнул и решил не использовать для начала антимагию, слишком она прожорлива, а использовать кое-что другое. «Проблеск». Хлопок, вспышка, и я тут же оказался на середине поляны. И прямо под моей ногой сработала «мина». Меня ударило слабым, но неприятным разрядом, от которого свело мышцы ног. Я рухнул на землю.

– Глупо, – беззлобно констатировал Арсений, пока я поднимался, потирая ногу. А теперь представь, что это был не учебный разряд, а боевое заклинание. Его голос стал жестким, как сталь. – Ледяной маг заморозит землю под тобой, прежде чем ты к нему подбежишь. Думай! Используй скорость для **смены позиции**, а не для лобовой атаки. Ищи укрытие. Снова!

Час за часом я повторял это упражнение. Я перестал нестись напролом. Я двигался от дерева к дереву, от одного валуна к другому. «Проблеск», чтобы появиться за укрытием. «Покров Тишины», чтобы скрыть свой следующий шаг. Я учился думать на два хода вперед.

Когда я наконец прошел полосу чисто, Арсений перешел к следующему этапу. Он ударил ладонью по земле, и из почвы, корней и камней с рыком поднялась неуклюжая, но быстрая человекоподобная фигура.

– Теперь – против демонов, – сказал он. – Этот земляной голем имитирует «прыгуна», одного из демонов второго ранга. Он быстр и силен. Твоя задача – не уничтожить его, а обездвигать. Сделай это быстро.

Голем рванул ко мне. Я начал плести заклинание, но не успел. Каменный кулак врезался в мой блок, отбрасывая меня на пару метров.

– Демон-прыгун будет на тебе раньше, чем ты успеешь сплести это заклинание, – прозвучал голос Арсения. – Ты труп. Перестань **реагировать**. Начинай **предсказывать**.

Это было еще сложнее. Я учился держать заклинание наготове, концентрируя энергию в ладонях, и высвободить ее в тот самый миг, когда противник начинал атаку. Снова и снова земляной голем сбивал меня с ног. Но с каждой попыткой моя реакция становилась острее, а заклинание – быстрее.

Следующие три недели слились в один бесконечный день из боли, пота и предельной концентрации.

После очередной тренировки, я стоял посреди поляны, тяжело дыша, полностью вымотанный, но чувствуя небывалую уверенность.

– Уже неплохо, – сказал он, и это была высшая похвала из его уст. – Остальному научишься в бою. И бросил мне коммуникатор. – Кайл ждет тебя. Твой отпуск окончен.

Дорога обратно в город была совершенно другой. Когда я вошел в отдел, гул голосов снова стих. Сотрудники других отделов, что попадались мне в коридоре, замолкали и провожали меня косыми, настороженными взглядами. Слухи о проверке ОСБ сделали свое дело.

Наконец я добрался до кабинета.

Там меня ждали.

– Ну, посмотрите-ка, кого ветром принесло! – первым меня заметил Гром. Он с грохотом отодвинул стул и с широченной, искренней улыбкой двинулся мне навстречу. – Живой и почти целый! А мы уж думали, Игнатич тебя в лесу закопал!

Он по-отечески заключил меня в медвежьи объятия, хлопнув по спине ладонью размером с лопату.

– Я тоже рад тебя видеть, Гром, – прохрипел я, пытаюсь дышать.

Лица довольно махнула мне рукой, внимательно наблюдая за мной. Думаю ей было, что сказать мне. Ворон же облокотившись на кресло довольно щурился.

Наконец, дверь открылась, и вошел Кайл. Он выглядел измотанным, но на его губах была тень усмешки. И направился напрямиком ко мне.

– Здорова, Сань, – сказал он, протягивая руку. Его хватка была крепкой, как и всегда. – Рад, что ты в строю.

Я почувствовал, как огромный груз свалился с моих плеч.

– Спасибо, капитан.

– У нас тут как всегда, – он обвел взглядом кабинет. – Надо будет собраться, расскажешь, все подробней.

Он хлопнул меня по плечу, и в этот момент его лицо стало серьезным. Он повернулся к остальной команде.

– В общем, ситуация такая, – произнес он уже другим, жестким тоном. – Всем. Полная боевая готовность. Выезд через пять минут, – его голос был тихим, но резал, как бритва. – Вопросы – в машине.

Никто не стал спорить. Гром с грохотом отодвинул стул. Ворон уже двигался к своему оружейному шкафу. Лиса одним движением закрыла все окна на своем мониторе. Я же начал волноваться, словно выезд в первый раз, но успел уложиться в отведенное время.

Дверь фургона захлопнулась за моей спиной, отрезая шум отдела. Ворон, севший за руль, не дожидаясь команды, вдавил педаль газа в пол. Машину сорвало с места, впечатав нас в спинки кресел.

В салоне повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь воем сирены и ревом форсированного двигателя.

– За город, на Николаевку, – только и произнес капитан, открыв и погрузившись в планшет. Мы же втроем переглянулись.

Когда мы вырвались из города, Кайл, сидевший на переднем пассажирском сиденье, закрыв планшет наконец повернулся к нам.

– Итак, слушайте сюда, – его голос был ровным и лишенным эмоций. – Следаки взяли след демонопоклонников, а потом дело отжало ИСБ. Несколько недель они вели разработку. Он сделал паузу, давая нам осознать масштаб.

– Сегодня они вышли на их базу. Уединенное загородное поместье к северу от города. Раньше принадлежало какому-то разорившемуся дворянскому роду. Операция готовилась в строжайшей секретности.

– А мы? – не выдержал Гром. – Почему нас дернули в последний момент?

– Потому что это не наша операция, – отрезал Кайл. – Руководит Имперская Служба Безопасности. Штурмовать будут они и ведомственный спецназ. Их цель – культисты. Люди.

– А мы – группа поддержки, – выдала Лиса, и в ее голосе прозвучал лед. – Прикрытие на случай, если там есть демоны.

– Именно поэтому, мы, не спорим, а выполняем приказ, – заключил Кайл. – Наша задача – сидеть тихо и ждать, пока большие мальчики не позовут. Но если позовут – быть готовыми ко всему.

Я посмотрел на Кайла. Теперь я понял причину его ярости в кабинете. Нас, элитный отряд, превратили в страховку, в пожарную команду, которую держат у ворот на всякий случай.

Он отвернулся, снова глядя на дорогу. В фургоне снова воцарилась тишина. Но теперь она была другой. Теперь мы знали, что едем не просто на зачистку. Мы едем на чужую спецоперацию.

Ворон свернул с шоссе на неприметную лесную дорогу, и через несколько минут мы выехали на просторную поляну, скрытую от посторонних глаз. То, что мы увидели, заставило меня замереть. Это был не просто сбор. Это была развернутая военная база в миниатюре.

Десятки бойцов спецназа в полной боевой выкладке, с лицами, скрытыми под шлемами, бесшумно проверяли оружие. У кромки леса застыли несколько черных бронированных фургонов Имперской Службы Безопасности, ошетилившихся антеннами. Я видел, как снайперские пары, словно призраки, растворяются, занимая позиции на деревьях. Масштаб операции впечатлял и давил.

Кайл повел нас к центральному командному фургону ИСБ, вокруг которого собрались командиры других групп. Нас встретил невысокий, поджарый мужчина в строгом сером мундире с полковничьими звездами на погонах. Его холодные, ничего не выражающие глаза скользнули по нам с легким оттенком брезгливости, будто он осматривал грязный, но необходимый инструмент.

– Капитан Кайлов, – его голос был сухим и резал, как скальпель. – Вовремя.

Он не ждал ответа, а указал на карту поместья, лежащую на складном столике.

– Финальный брифинг. Первым заходит спецназ. Вторыми – оперативники ИСБ. Вы работаете по самому особняку. Подавить, связать, взять живыми всех, кого возможно. Работаем только по людям.

Закончив с первой частью, он обвел взглядом нас и командиров других отрядов охотников.

– Охотники, – в его голосе не было ни капли уважения. – Ваша задача – внешний периметр. Перекрыть все возможные пути отхода через лес. Вы – наш заградотряд. Ловить беглецов будете. Идете на штурм только в одном случае: если будут обнаружены демоны. Ваша работа они. И только демоны. В основную операцию не лезть. Всем все ясно?

Я увидел, как сжались челюсти Кайла, но его лицо осталось непроницаемым.

– Так точно, полковник, – ровным голосом ответил он.

Нас отодвинули на второй план. Сделали из нас, элитных бойцов, пугало на заднем дворе, которое должно сработать, если из-под земли полезут черти.

Полковник ИСБ посмотрел на свои часы.

– Группы, пять минут до начала.

Он отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Ровно через пять минут полковник.

– Первая, вторая – пошли, отдал он команду в рацию.

Бойцы спецназа и ИСБ не побежали. Они просто растворились в предрассветных сумерках, бесшумными тенями скользя в сторону поместья.

А мы остались ждать. В напряженном молчании, слушая, как в наушниках трещит пустой эфир.

Глава 7

Мы засели с северной стороны поместья, у кромки леса. Отсюда до каменной ограды было метров триста.

Сам особняк выглядел как каменная туша давно сдохшего зверя. Три этажа, облупившаяся серая штукатурка, темные провалы окон, большая часть которых была наглухо заколочена досками. Вокруг него разросся запущенный парк, теперь превратившийся в непролазные заросли. Место идеально подходило для того, чтобы организовать что угодно.

К этому моменту к особняку подбирались штурмовики. Ни единого хруста ветки, ни одного лишнего движения. Они работали беззвучно, будто растворяясь.

Я же размышлял о происходящем и кем себя ощущал в этот момент.

Пугало. Вот кем я себя сейчас чувствовал. Не охотником, не бойцом элитного отряда, а грёбаным пугалом, которое поставили на краю поля, чтобы отгонять случайных ворон. Унизительный приказ того лощёного полковника из ИСБ до сих пор отдавался в ушах. Вся моя новая сила, все эти адские тренировки с Арсением, умение двигаться так, что сам себе не веришь – всё это оказалось не у дел. Моя задача – сидеть в грязи и смотреть.

Я был не один кто так думал. Я видел, как Гром, залегший за поваленным деревом, едва заметно переминается с ноги на ногу – его огромному телу было тесно в засаде, ему нужен был бой. Видел, как Лиса неподвижно застыла в тени кустарника, но её пальцы, лежавшие на рукояти пистолета, были сжаты. Нас всех превратили в статистов в чужом спектакле.

И снова в голове застучал один и тот же вопрос, острый, как осколок стекла. Демонопоклонники. Сектанты. Ими в основном церковь занимается. Так какого чёрта здесь делает ИСБ, а не фанатики-«пернатые»? Что-то в этой операции было в корне неправильно. И от этого простого несоответствия по спине пробежал холодок, куда неприятнее утренней сырости.

Я подавил тяжелый вздох, который рвался из груди, и коснулся пальцем ларингофона на шее, активируя защищенный канал нашей группы.

– Капитан, приём, – прошептал я. Голос прозвучал глухо, почти беззвучно для окружающего мира, но в наушнике должен был быть кристально чистым. – Всё равно не даёт покоя. Почему здесь нет церковников?

Секундная пауза. Голос Кайла в наушнике прозвучал сухо, как треск сухой ветки.

– Думаешь, мне даёт? Сиди тихо, Зверев. Наблюдай.

– Это не просто странно. Это неправильно, – так же шёпотом настоял я. – Здесь что-то ещё.

Он помолчал ещё секунду, и я услышал в наушнике тихий, раздражённый выдох. Кайл понял, что я не отстану.

– Ладно, раз тебе так не терпится покопаться в чужом грязном белье, – его шёпот был пропитан цинизмом. – Вариант первый, самый простой и самый вероятный: банальные амбиции. Какой-нибудь полковник из ИСБ нащупал этот культ и решил, что это его звёздный час. Раскрыть «заговор века», получить орден, новое звание. Он просто не хочет ни с кем делиться славой, особенно с Церковью, которая тут же перетянет всё одеяло на себя.

Это было логично. И грязно. Вполне в духе нашего мира.

– Вариант второй, посложнее, – продолжил Кайл, и его голос стал ещё тише. – ИСБ не доверяет «пернатым». Может, у них есть оперативная информация, что ниточки от этого культа ведут к кому-то, кого Церковь захочет прикрыть. Какой-нибудь крупный меценат, который жертвует на храмы столько, что его грехи отпускают авансом на десять лет вперёд. Шишка из сильного рода. Для ИСБ такой компромат – это козырь в рукаве. Они не отдадут его церковникам.

Этот вариант мне нравился больше.

– А самый паршивый вариант, – голос Кайла стал ледяным, – в том, что это не просто сектанты. Культ, который служит не просто какому-то демону, а враждебному государству. Тогда это уже не ересь, а госизмена. ИСБ никогда не подпустит к такому делу фанатиков в рясах, которые могут всё испортить своим праведным гневом.

От этой мысли по спине пробежал настоящий мороз. Мы сидели на пороховой бочке, даже не зная, кто заложил фитиль.

– А правда, Саня, где-то посередине. Или ещё хуже, – подытожил Кайл. – В любом случае, это не наша игра. Наше дело – сидеть здесь и ждать, пока гроыхнет. Конец связи.

В наушнике щёлкнуло. Я снова уставился на зловещий силуэт поместья. Но теперь я смотрел на него другими глазами. Это было не просто логово сектантов. Это была шахматная доска, а мы – всего лишь пешки, которых выставили на край, даже не объяснив правил.

Разговор оборвался, когда в наушнике щёлкнуло, и общий канал ожил. Бесцветный, механический голос одного из командиров штурмовых групп доложил с безупречной чёткостью:

– «Сокол-1» вызывает «Базу». Первый этаж чист. Сопротивления нет. Продолжаем движение. Через минуту – новый доклад, от другой группы: – «Ястреб-3», приём. Западное крыло под контролем. Объект «Альфа» на месте, ждём дальнейших указаний.

Всё шло по плану. Слишком гладко. Я почувствовал, как Гром за соседним деревом чуть расслабил хватку на рукояти молота. Даже напряжение в воздухе, казалось, немного спало. Обычная, будничная зачистка.

И тут в эфире раздался новый голос, молодой и сбившийся, потерявший всю свою штабную выдержку.

– «Гамма-2» вызывает «Базу»... Мы тут... нашли странные символы на стенах. Не похоже на обычную ритуалистику. Голос запнулся.

А затем тишину в эфире разорвал резкий, срывающийся в визг крик, который тут же оборвался, словно говорившему заткнули рот. И наступила мёртвая тишина, нарушаемая лишь треском помех. Я замер, рука сама собой сжала автомат до боли в костяшках. Гром за моей спиной перестал дышать. Кайл, которого я не видел, но чувствовал, напрягся, как сжатая пружина.

Тишину прервал стальной голос командира операции:

– Группа «Гамма», что у вас? Доложите обстановку! Немедленно!

Прошла секунда, показавшаяся вечностью. Наконец, сквозь треск помех прорвался тот же молодой, но теперь неестественно высокий голос:

– ...Всё в порядке, «База». Случайное срабатывание... ловушки. Один трёхсотый, лёгкий. Контролируем ситуацию.

Я медленно повернул голову. Встретился взглядом с Лисой. Она смотрела на меня, и в её глазах не было ни капли веры. Я перевел взгляд на Грома – он медленно, отрицательно качал своей огромной головой.

Напряжение, до этого бывшее лишь фоном, ударило, как разряд тока. Мы больше не сидели. Я вскочил на ноги, остальные сделали то же самое. Гром тяжело поднялся во весь свой исполинский рост. Мы больше не были заградотрядом. Мы были охотниками, учувшими кровь. Все наши взгляды были направлены в одну точку – на темный, молчащий особняк.

И тут эфир взорвался.

Это был уже не бой. Это была резня, транслируемая в прямом эфире. Сквозь треск помех прорвался нечеловеческий, утробный рёв, от которого, казалось, задрожали деревья, а в наушнике зазвенело от перегрузки. Следом за ним – хаос из десятков голосов, слившихся в один панический вопль.

– ЭТО ЛОВУШКА! ОНИ НЕ ЛЮДИ! ПОДВАЛ... ИЗ ПОДВАЛА ЛЕЗУТ! А-А-А-А!!! – закричал кто-то, и его крик оборвался булькающим хрипом.

Другой голос, срываясь от ужаса, взвыл прямо в эфир, и его слова были адресованы уже не «Базе», а нам:

– ДЕМОНЫ! ЗДЕСЬ ДЕМОНЫ! ГДЕ ОХОТНИКИ?! ПОЛКОВНИК, ЗАПРАШИВАЕМ ПОДДЕРЖКУ ОХОТНИКОВ!!!

А потом звуки слов утонули в другом, в стрельбе которую можно было услышать и без наушников.

Я оглянулся в сторону штабного лагеря. Даже отсюда было видно, как там началась паника. Кто-то что-то кричал, кто-то бестолково махал руками. Полковник ИСБ, привыкший к порядку и протоколам, столкнулся с тем, что не вписывалось ни в один устав. Он потерял управление.

Но Кайл его не терял. Я посмотрел на капитана. Он стоял, глядя на особняк, откуда были слышны отголоски бойни и демонический визг. Его лицо превратилось в маску из ярости и холодного бешенства. Он не стал ждать приказа от растерявшегося полковника. Он сам стал приказом.

В наушнике раздался его тихий, режущий, как бритва, голос, предназначенный только для нас пятерых:

– Работаем. За мной!

Этого было достаточно. Мы сорвались с места, вылетая из спасительной тени леса на открытое, простреливаемое пространство перед особняком. Я видел, как с других участков периметра так же рванулись вперёд группы других охотников. Дисциплина ИСБ рассыпалась, и теперь в дело вступали те, для кого такое было привычно и обыденно.

Хаос ударил в лицо. Мимо нас, спотыкаясь и отстреливаясь вслепую, пробежали двое бойцов ИСБ в чёрной форме. Их глаза были круглыми от ужаса, один что-то кричал про подвал, но слова тонули в грохоте стрельбы. Они бежали *оттуда*, куда мы неслись сломя голову. Из главного входа, разбитые створки которого болтались на одной петле, валил густой едкий дым, пахнувший порохом и чем-то сладковато-тошнотворным.

– Гром – вперёд, дверь нам больше не нужна! – рывкнул Кайл в рацию. – Лиса, Саня – за ним, веером! Ворон – контроль!

Гром не сбавил шага. Его массивная фигура, подобно тарану, врезалась в то, что осталось от входа. С оглушительным треском и скрежетом металла дубовые створки разлетелись внутрь, сметая с пути какую-то резную мебель. Мы влетели в главный зал следом за ним.

Запустение и смерть. Первое, что ударило в глаза. Огромный холл с полом из растрескавшегося мрамора, залитым кровью. В центре зала, укрывшись за опрокинутым мраморным фонтаном, горстка выживших – человек пять, не больше – вела шквальный, почти истеричный огонь.

Их противники, «культисты» в чёрных балахонах, двигались с неестественной, дёрганой скоростью. Они не прятались. Они просто шли вперёд, игнорируя пули, которые рвали их одежду, но не останавливали. Один из них получил очередь в упор, его отбросило назад, и казалось он умер, но спустя пару мгновений он начал подниматься.

Что-то было не так. Совсем не так.

Лиса, замерла на долю секунды, её голова резко дёрнулась, словно она прислушивалась к чему-то, недоступному нам. И тут же её пронзительный крик перекрыл грохот боя:

– КАПИТАН! ЭТО НЕ ЛЮДИ! ИЛЛЮЗИЯ!

В тот же миг один из спецназовцев в отчаянии всадил длинную очередь в ближайшего «культиста». Ткань его балахона пошла рябью, как помехи на старом экране. Изображение смазалось, и на мгновение под ним проступила уродливая, чешуйчатая морда демона с горящими красными глазами. А потом иллюзия восстановилась.

Теперь всё встало на свои места. Это была не просто бойня. Это была бойня, срежиссированная до мелочей.

– Всем охотникам! – голос Кайла в общем эфире прозвучал как удар хлыста, отрезвляя и наводя порядок.

– В здании демоны под иллюзией! Подавить всех! Работаем!

Приказ Кайла «Работать!» стал сигналом для всех охотников. Холл особняка превратился в кипящий котёл, где сталь и магия сошлись с когтями и яростью. Мы, вместе с другими отрядами, волной прокатились по залу, сметая растерявшихся демонов. Это была быстрая, грязная и эффективная работа. «Копейки» и «двойки», не могли противостоять слаженным действиям десятков профессионалов.

Через несколько минут холл был почти чист. Лишь у подножия развороченной парадной лестницы, ведущей в подвал, ещё огрызалась пара тварей.

– Источник внизу! – крикнула Лиса, её голос эхом разнёсся по залу. – Сильный! Очень сильный!

Кайл переглянулся с другим капитаном, который как раз добивал последнюю «двойку».

– Держи холл. Помогите раненым, – бросил Кайл. – Мои, на разведку, за мной. Будьте наготове.

Он не стал дожидаться ответа. Мы рванулись к тёмному провалу, оставшемуся от лестницы. Спуск в подвал был крутым и узким. Воздух становился гуще, наполняясь запахом крови. Мы двигались тихо, готовые к атаке в любой момент.

Подвал оказался огромным, сводчатым залом. В центре, в багровом свете догорающего ритуального круга, были разбросаны иссохшие тела культивистов. А над ними, спиной к нам, возвышалась ОНА.

Тварь медленно повернулась. Это был не просто демон. Это было воплощение мощи. Четырёхметровая туша, покрытая обсидиановой бронёй, по которой пробегали разряды тёмной энергии. Четыре когтистые лапы.

– Четвёртый... – прошептала Лиса, и в её голосе был настоящий, неподдельный ужас. – Капитан, это четвёртый уровень!

Тварь не стала ждать. Она издала низкий, вибрирующий рык, и один из разрядов, сорвался и полетел в нас, и мы тут же рассыпались в разные стороны.

Кайл среагировал мгновенно. Он понял, что впятером против такой мощи в закрытом пространстве мы – трупы.

– НАЗАД! К ЛЕСТНИЦЕ! ДЕРЖАТЬ ОБОРОНУ! – заорал он своей команде, а затем, нажав кнопку общего канала, взревел в рацию так, что, казалось, зазвенело в ушах: – ВСЕМ ОХОТНИКАМ! В ПОДВАЛЕ ЧЕТВЁРТЫЙ УРОВЕНЬ! ПОДДЕРЖКА! НЕМЕДЛЕННО!!!

Глава 8

Наш гигант взревел в ответ и шагнул навстречу, превращаясь в живую стену. Это были наши Фермопилы, и Гром был нашим Леонидом.

Демон ударил.

Не просто ударил – он обрушился всей своей массой. Его обсидиановые когти встретились с молотом Грома, с оглушительным скрежетом, от которого заложило уши. Искры полетели во все стороны, осыпая каменный пол. Гром устоял, впечатавшись ногами в бетон, но его отбросило на шаг назад.

Началась отчаянная оборона. Лиса и я тут же рванулись с флангов, пытаясь отвлечь внимание. Мой меч оставлял на броне твари лишь жалкие, белесые царапины. Копье Лисы, нацеленное в сочленения, отскакивало с глухим стуком. Мы были двумя надоедливими оводами, пытающимися закусать носорога. Наша задача была не ранить. Наша задача была выжить и дать Грому делать его работу.

Кайл поддерживал его, как мог. Перед Громом постоянно вспыхивал и вибрировал огненный щит, который шипел и трещал, принимая на себя часть чудовищных ударов. Капитан беспрерывно метал в голову демона точечные заклинания – короткие огненные иглы, которые заставляли тварь мотать головой и отвлекаться. С боку бил автомат Ворона. Сухой, бесполезный треск его выстрелов эхом разносился по подвалу, пули просто расплющивались об броню, не причиняя ни малейшего вреда.

Мы дрались как единый механизм, но механизм, который работал на пределе и вот-вот должен был разлететься на части. Мы быстро выдохались. Мана Кайла не была бесконечной, а силы Грома таяли с каждым принятым ударом.

Тварь это почувствовала. Она издала яростный, клокочущий рык, игнорируя наши с Лисой уколы. Собрав всю свою мощь, она нанесла не просто удар, а таранный выпад всем телом, целясь прямо в Грома.

Огненный щит Кайла, до этого державшийся стойко, лопнул, как мыльный пузырь, осыпавшись дождем искр. Молот Грома встретил удар, но сила была слишком велика. С глухим хрустом, который я почувствовал даже сквозь грохот боя, нашего гиганта оторвало от земли. Он пролетел несколько метров, как тряпичная кукла, и с грохотом врезался в завал у лестницы, поднимая облако цементной пыли.

Демон, победно взревев, уже разворачивался к нам, заноса свои четыре когтистые лапы для удара, по Лисе. Она не успевала уйти в сторону.

Видел, как в глазах Лисы на долю секунды отразилось смирение.

И в этот момент сверху, со стороны лестницы, раздался оглушительный грохот, от которого с потолка посыпалась пыль. А следом за ним – яростный, многоголосый рёв:

– Бей!

Подмога.

Словно чёрный водопад, в подвал хлынули бойцы. Один за другим, не теряя ни секунды, бросались в бой. Наша кавалерия прибыла.

Демон ошарашенно взревел, разворачиваясь к новой угрозе. Этот миг замешательства дал нам спасительную передышку. Кайл рывком поднял на ноги Грома, который, сплюнув кровь, снова сжал рукоять своего молота. А Лиса рванула в сторону.

Бой перестал быть обороной у прохода. Он превратился в хаотичную, яростную схватку по всему залу. Теперь нас было много, и мы навалились на тварь со всех сторон.

Силовики, как и Гром, взяли на себя ближний бой. Они кружили вокруг демона, словно стая волков, нанося десятки ударов по его ногам и торсу, пытаясь лишить его равновесия и

повалить. Сталь с оглушительным скрежетом билась об обсидиановую броню, высекая снопы искр, но не причиняя серьёзного вреда.

С дальней дистанции начали работать маги. Стены подвала превратились в безумную дискотеку из вспышек заклинаний. Ледяные копья разбивались о броню, огненные шары бесследно гасли на её тёмной поверхности, воздушные лезвия оставляли лишь едва заметные царапины.

Поначалу демон терялся, не зная, кого атаковать первым. Он рычал, крутясь на месте, и отмахивался от наседающих бойцов, как от надоедливых мух. Но его замешательство быстро сменилось чистой, незамутнённой яростью. Он перестал обращать внимание на силовиков, что рубили его по ногам. Он понял, откуда исходит настоящая угроза.

С рёвом, от которого задрожали каменные стены, он проигнорировал очередной удар молота Грома и рванул прямо через толпу бойцов ближнего боя, раскидывая их, как кегли. Его цель была ясна. Он пошёл вырезать наших магов.

Мы пытались его остановить, навалиться массой, но это было всё равно что пытаться голыми руками удержать несущийся поезд. Демон, с рёвом отшвырнув очередного силовика, прорвался сквозь наш строй.

И ударил магией. Во все стороны разошлись разряды тёмных, почти бесшумных молний.

Это была не просто магия. Это была концентрированная смерть.

На моих глазах трое магов, не успевшие поставить щит, застыли. Их крики застряли в горле. Чёрные разряды окутали их, и их тела на глазах начали иссыхать. Кожа темнела, трескалась и осыпалась пеплом, обнажая кости, которые через мгновение рассыпались в прах. Три человека исчезли, оставив после себя лишь три дымящихся силуэта на каменном полу.

Атака захлебнулась. Охотники, до этого яростно рвавшиеся вперёд, в ужасе отшатнулись. Строй сломался. Началась паника.

Демон, наслаждаясь произведённым эффектом, повернул голову и сосредоточил атаку. Новый, более мощный жгут чёрной энергии сорвался с его лапы, целясь прямо в одного из магов, который, оглушённый, пытался подняться на ноги.

– МИХАЛЫЧ, БЕРЕГИСЬ! – заорал чей-то капитан.

Времени уклониться не было. И капитан сделал то единственное, что мог. Он рванулся вперёд и в последнюю секунду оттолкнул своего бойца в сторону.

Жгут тёмной энергии ударил прямо в грудь капитана. Его не отбросило. Он просто замер на месте, его тело выгнулось дугой. Броня на его груди расплавилась и стекла вниз, как воск. Он захрипел, изо рта хлынула чёрная, как дёготь, кровь, и тяжело рухнул на пол рассыпаясь прахом.

– Димоон! – истошный, полный боли крик потонул в новом рёве демона.

Тварь одного за другим выщёлкивала наших магов, а бойцы ближнего боя не могли даже подобраться к ней. Если сейчас что-то не предпринять, этот подвал станет нашей братской могилой.

Я видел, как тварь снова вскидывает свои четыре лапы, готовясь еще раз ударить магией. Вторая волна. Она станет для нас последней.

В моей голове звучали слова Арсения: *«Воюй не силой, а головой. Ищи слабость. Создавай свой шанс»*. Шанс. Вот он. Прямо передо мной.

– Кайл я гашу! – мой голос в рации прозвучал неожиданно твёрдо.

Не дожидаясь ответа, – Проблеск!

Мир смазлся в серый туннель. Раздался оглушительный хлопок, и я оказался там – в нескольких метрах от демона, прямо в эпицентре назревающего шторма. Воздух вокруг трещал от концентрированной тёмной энергии. *Активация!*

Я высвободил её. Мою «зону тишины». Воздух вокруг меня мгновенно стал мёртвым, стерильным. Вся тёмная энергия, что собиралась вокруг демона для удара, на мгновение замерла, пошла рябью и просто испарилась, словно её никогда и не было.

Демон замер. Его заклинание, готовое сорваться, исчезло. Он ошарашенно посмотрел на свои бесполезные когти, а затем его горящий взгляд, полный ярости и первобытного недоумения. Он взревел, но в его рёве теперь была не только ярость, но и растерянность.

– ОН БЕЗ МАГИИ! БЕЙТЕ!!! – заорал я во всё горло, и мой голос, усиленный адреналином, эхом разнёсся по подвалу.

– Отлично! – тут же рявкнул в рацию Кайл.

Капитан отшвырнул в сторону свои бесполезные против брони топоры. В следующее мгновение из кобур на его бёдрах вылетели два его знаменитых монстра – массивные, воронёные пистолеты.

Подвал утонул в грохоте. Это не была стрельба очередями. Это был непрерывный, оглушительный рёв, будто работали два крупнокалиберных пулемёта. Кайл, не целясь, разряжал оба магазина прямо в грудь ошеломлённой твари.

И я увидел эффект его артефактных патронов. Они не отскакивали. Каждая пуля, окутанная синим пламенем, прожигала броню и взрывалась *под* ней. Раздавался глухой треск, словно изнутри ломали толстый лёд. Броня шла трещинами не снаружи, а изнутри. Через пару секунд, когда последний патрон нашёл свою цель, на груди демона, как паутина, расплозлась сеть ярко-оранжевых, светящихся изнутри трещин.

Идеальная мишень. И все мы это видели.

Все – и мы, и тварь – замерли, глядя на светящуюся паутину трещин на груди демона. А потом раздался рёв.

Это был единый, первобытный, яростный вопль всех выживших охотников. Отчаяние сменилось лютой, хищной надеждой. Стальная волна хлынула вперёд.

Больше не было тактики. Не было флангов и арьергарда. Был только один приказ, который каждый отдал сам себе:

«Бей в трещины!».

Молот Грома, топоры других силовиков, копья, мечи – всё обрушилось на одну точку. Демон взревел от боли и ярости, превратившись в смертоносный вихрь из четырёх когтистых лап. Он отчаянно отбивался, швыряя охотников в стороны, как щенков, но его движения стали медленнее и менее точными.

Я всё ещё был рядом, уклоняясь от его хаотичных ударов. Его взгляд, полный ненависти, нашёл меня. Он видел во мне причину своего поражения. Последним отчаянным движением он обрушил на меня всю свою оставшуюся мощь. Его когтистая лапа, способная рвать сталь, прошла в сантиметре от моего лица, я почувствовал ледяной холод пронёсшейся мимо смерти.

– Проблеск!

Короткий, почти инстинктивный рывок. Я не переместился далеко – всего на метр, прямо в мёртвую зону под его занесённой лапой. Прямо перед светящейся, пульсирующей раной на его груди. Вложив в удар всё, что у меня осталось, я всадил свой меч по самую гарду в оранжевое сердце этого кошмара.

Раздался оглушительный, мокрый треск, будто лопнуло что-то огромное внутри самой твари. Свет на её груди вспыхнул в последний раз и погас.

Демон замер. Его огромное тело дёрнулось в последней конвульсии, а потом, как подкошенное, тяжело рухнуло на пол, сотрясая подземелье.

Тварь рухнула, и вместе с ней рухнул и грохот боя. Наступила тишина.

Густая, вязкая, почти физически ощутимая. Она давила на уши, и в ней, как в вакууме, проступили другие звуки. Тяжёлое, рваное, хриплое дыхание десятка выживших. Чей-то сдавленный кашель, переходящий в стон. Тихий звон, с которым опустевшая склянка регенератора

ударилась о каменный пол. Воздух был густым коктейлем из запахов, горячего металла, крови и едкой вони ихора.

Ноги подкосились, и я, шатаясь, опёрся на свой меч, вонзив его в пропитанный кровью пол. Руки дрожали так, что я едва мог удержать рукоять. Адреналин, гнавший меня вперёд, испарился, оставив после себя лишь гулкую, свинцовую пустоту.

Я обвёл взглядом подвал. Картина была жуткой. Из пятнадцати, что спустились сюда за нами, на ногах держались от силы человек восемь. Четверо погибли от магии твари, не оставив даже тел. Ещё один лежал у самых лап твари, его тело было неестественно вывернуто. Остальные были ранены. Кто-то сидел, привалившись к стене и зажимая рану, кто-то лежал без сознания, и над ним уже склонились товарищи. Победа. Кровавая, вырванная зубами победа.

Хриплый, надтреснутый голос Кайла в радиии вырвал меня из оцепенения. Он говорил тихо, но в наступившей тишине его слышал каждый.

– Всем группам, доложить о потерях. Раненым – немедленно использовать регенераторы. Забрать тела павших. Мы уходим.

Приказ подействовал, как удар тока. Оцепенение спало. Началась мрачная, молчаливая, привычная для нас работа. Никто не кричал, никто не суетился. Каждый знал, что делать.

Я увидел, как один из капитанов, сам пошатываясь, вливает зелье в горло своему контуженному бойцу. Гром подошёл к другому раненому и легко, как ребёнка, поднял его на руки. Двое охотников из другого отряда подошли павшему, бережно закрыли ему глаза.

Это была наша работа. Не только убивать тварей. Но и забирать своих с поля боя.

Кайл кивнул.

– Поднимаемся.

Слов больше не было. Да они и не требовались. В подвале воцарилась тишина взаимопомощи – суровая, молчаливая рутина.

Процессия двинулась к развороченной лестнице. Это не было триумфальное шествие победителей. Это был подъём из могилы. Медленный, тяжёлый, каждый шаг отдавался болью в израненных телах и гулким эхом в опустевшем подземелье.

Я сам, чувствуя, как гудит каждая мышца, подошёл к молодому магу, который сидел на ступенях, тупо уставившись в стену. Его лицо было бледным, а глаза – пустыми от контузии.

– Давай, вставай, – прохрипел я, подхватывая его под руку. Он обмяк, и я почти взвалил его на себя. Его вес казался неподъёмным, но я упрямо, ступенька за ступенькой, тащил нас обоих наверх, к выходу из этого ада.

Никто не смотрел друг на друга. Каждый взгляд был устремлён либо под ноги, чтобы не оступиться на обломках, либо в спину идущего впереди. Мы были не героями. Мы были санитарями на своей собственной войне, выносящими с поля боя то, что от нас осталось – живых и мёртвых.

Последняя ступенька. Мы вышли из темноты подвала в главный холл, и я замер. Если подвал был адом, то здесь был его предбанник.

Холл был разрушен. Мраморный пол, был расколот и залит густой смесью крови и чёрного ихора. Дорогая резная мебель, которую я мельком заметил на входе, превратилась в груды дымящихся щепок. Стены, покрытые шёлковыми обоями, были исполосованы глубокими следами от когтей и опалены вспышками заклинаний. В воздухе висел густой, удушливый смрад.

Повсюду лежали тела. Уродливые, дымящиеся останки демонов перемежались с фигурами в форме бойцов ИСБ. Они застыли в неестественных позах яростной, но проигранной схватки: один пытался перезарядить автомат, другой – вонзить нож в горло твари, которая успела разорвать его самого.

Среди этого хаоса двигались мы. Наша победа в подвале была лишь частью общей картины. И картина эта была чудовищной.

У лестницы, ведущей на второй этаж сидел на полу охотник, уронив голову на руки. Его спина была одной сплошной раной, и его товарищ, матерясь сквозь зубы, поливал её из флакона с регенерирующим зельем, отчего плоть шипела и дымилась.

Чуть дальше двое силой удерживали своего бойца, находящегося без сознания, и вливали ему в горло ярко-алое зелье, пытаясь вернуть его с того света.

А у разбитого фонтана стояла молчаливая группа из трёх охотников. Они просто смотрели на тело, бережно накрытое плащом. Тело их капитана.

Победа... Какая, к чёрту, победа? Я смотрел на этот зал, на мёртвых, на раненых, на выживших с пустыми глазами, и видел настоящую цену. Никакого триумфа. Никакой славы. Только смерть, боль и те, кто будет нести это в себе до конца своих дней.

Вот она, наша работа. Кровавая, грязная, без аплодисментов.

Лицо Кайла превратилось в каменную маску. В его глазах не было ни усталости, ни боли – только холодная, выжженная дотла пустота.

– На выход, – тихо, но так, что его услышал каждый, приказал он. – Выносим раненых.

Мрачная, окровавленная процессия двинулась через разгромленный холл. Мы вышли из разорённого особняка на улицу, в холодный, влажный предрассветный туман. И замерли.

На парадном крыльце, залитом ледяным светом прожекторов штабных машин, нас ждали. Полковник ИСБ. Но он был не один. За его спиной и по бокам от него, в безупречном боевом построении, застыли два десятка бойцов спецназа. Стена из чёрной брони и опущенных, но готовых к бою в любую секунду стволов автоматов.

Сам полковник был окутан тремя полупрозрачными, мерцающими сферами магических щитов, которые искажали воздух вокруг него. Он встречал нас как враждебную, неконтролируемую силу.

Две группы застыли друг напротив друга. С одной стороны – чистые, организованные, вооружённые до зубов бойцы ИСБ, не сделавшие ни одного выстрела. С другой – мы. Окровавленные, израненные, вымотанные, несущие на руках и плечах своих мёртвых и раненых товарищей.

Полковник сделал шаг вперёд, его голос прозвучал холодно и требовательно, разрезая напряжённую тишину:

– Доложите обстановку.

Кайл осторожно передал раненого бойца, которого поддерживал. И медленно, не таясь, пошёл вперёд, в пустое пространство между двумя отрядами. Он остановился в паре метров от мерцающих щитов. Его лицо, покрытое грязью и потом, было маской ледяной ярости.

– Обстановка? – его голос был тихим, почти шёпотом, но в звенящей тишине его услышал каждый. – У тебя в ведомстве крыса, полковник. Или ты просто некомпетентен.

Лицо полковника мгновенно побагровело. Я увидел, как его рука в перчатке едва заметно дёрнулась, словно он хотел отдать приказ.

– Что вы себе позволяете?!

– Твоих людей отправили на убой, а следом и нас, это была ловушка. Здесь была четвертка и нам просто повезло! Так что да... течёт у тебя где-то. И очень сильно.

Не дожидаясь ответа, не удостоив полковника даже взглядом, Кайл резко развернулся и пошёл обратно к нам.

– Забираем наших. Уходим, – бросил он, и это был приказ только для нас.

Мы двинулись следом за ним, проходя мимо застывших, как истуканы, бойцов спецназа. Никто не проронил ни слова. Никто не поднял на них глаз. Мы просто шли, неся свою тяжёлую ношу, оставляя за собой кровавые следы.

Я обернулся в последний раз. Полковник ИСБ так и стоял на крыльце, в коконе своих бесполезных щитов, глядя нам вслед. Его лицо было искажено смесью ярости и абсолютного, унижительного бессилия.

Глава 9

В воздухе повисло ледяное напряжение. Казалось, один неверный шаг, одно резкое слово – и стволы автоматов спецназа откроют по нам огонь.

Кайл молча достал свой коммуникатор. Его движения были подчёркнуто медленными, демонстративными. На глазах у оцепеневшего полковника и его бойцов он переключил канал с защищённой ведомственной частоты на общую.

Этот простой щелчок тумблера прозвучал в тишине, как выстрел. Это было прямое нарушение протокола.

Его голос, усиленный динамиком коммуникатора, прозвучал громко, чётко и официально, разрезая предрассветный туман:

– Говорит капитан Кайлов, Тридцать второй отдел полиции. У нас пострадавшие после боестолкновения. Требуется несколько бригад скорой помощи. У нас тяжёлые! По адресу...

Я увидел, как лицо полковника ИСБ исказилось от ярости. Он сделал шаг вперёд, но замер. Остановить вызов скорой помощи раненым... даже для полковника ИСБ это было бы последним приказом в его карьере. Он был в ловушке. Кайл только что публично вскрыл его провальную операцию, и он ничего не мог с этим поделать.

Охотники поняли приказ без слов. Как единый организм, мы двинулись, формируя импровизированный защитный периметр вокруг наших раненых. Мы отвернулись от спецназа, полностью игнорируя их присутствие. Сейчас были только мы – живые, раненые и мёртвые. И мы спасали своих.

Я смотрел на Кайла, и внутри меня на смену усталости и боли пришло острое, почти болезненное уважение. Он обошёл полковника через голову. Наплевал на субординацию, на секретность, на ярость в глазах чиновника в идеальном мундире, защищённого тремя щитами. На всё. Просто чтобы спасти людей. Своих. Наших.

Спустя десяток минут мы услышали первые сирены. Помощь была в пути. Охотники, не дожидаясь медиков, продолжили оказывать помощь раненым и приводить себя в порядок. Расположились мы возле наших фургонов.

Кайл, стоя чуть в стороне от этой мрачной суеты, сделал второй звонок – на этот раз в отдел. Я как раз оказался достаточно близко, чтобы слышать разговор.

– Дежурный, это Кайлов, – голос капитана был уставшим, но собранным, ни капли паники. – Как обстановка в отделе? Докладывай.

Из динамика донёсся взволнованный, почти срывающийся голос нашего дежурного:

– Был один вызов час назад, аномальная активность, но...

– Кого отправили? – резко перебил Кайл, и я почувствовал, как он напрягся.

– Вызвали резервную группу Смирнова, – с явным недоумением в голосе ответил дежурный. – Их с выходного дня подняли. Указание было – вашу группу не отвлекать от «стратегической задачи».

Наступила долгая, тяжёлая пауза.

– ... Ясно. Хорошо, – наконец произнёс он, и его голос стал ледяным. – Мы возвращаемся. Конец связи.

Кайл убрал коммуникатор. Сирены скорых выли уже совсем близко, но я их почти не слышал. В голове билась одна-единственная мысль.

Нас держали здесь. Намеренно. Нас, самый эффективный отряд отдела, маршировали в лесу, как пушечное мясо на запасном пути, а на угрозу в городе срывали с отдыха резервистов. Нас не просто отодвинули на второй план. Нас целенаправленно убрали с доски, чтобы не мешали. Это был чей-то расчёт.

Первые кареты скорой помощи с воем вылетели на поляну из-за поворота. Хлопнули двери, и пространство наполнилось быстрыми, чёткими командами медиков. Началась хаотичная, но отлаженная сортировка раненых.

Кайл полностью взял командование на себя, его голос звучал ровно и властно, перекрывая суету.

– Тяжёлых – в первую очередь! Этот без сознания, но дышит! Здесь – артериальное, жгут уже наложен!

Мы работали как единый механизм, помогая медикам. Передавали им на носилки своих товарищей, коротко докладывая о ранениях. Никто больше не смотрел в сторону полковника ИСБ и его бойцов, которые отошли к своим машинам.

Когда последний фургон с ранеными, взыв сиреной, скрылся в утреннем тумане, мы, наконец, поплелись к своей машине. Я завалился в наш фургон, тяжело рухнув на жёсткое сиденье. Дверь с глухим стуком захлопнулась, отрезая нас от запаха крови и смерти.

Ворон завёл двигатель, и мы тронулись.

В салоне повисла абсолютная, давящая тишина. Никто не проронил ни слова. Никто не обсуждал бой, не хвастался и не жаловался.

Я откинул голову на спинку сиденья, чувствуя, как гудит каждая мышца, протестуя против пережитых перегрузок. Адреналин ушёл, оставив после себя лишь тупую, ноющую боль и холодную, липкую усталость.

Краем глаза я видел Грома. Наш гигант, сидел, ссутулившись. Его огромные, могучие пальцы, способные крошить бетон, сейчас неуклюже пытались вскрыть упаковку с дезинфицирующей салфеткой, чтобы обработать глубокую ссадину на предплечье.

Напротив сидела Лиса. Она безвольно откинулась на сиденье, прислонившись головой к холодному стеклу, и закрыла глаза. Её лицо под слоем грязи и копоти было бледным. Вся её язвительность, вся её смертоносная энергия – всё иссякло. Осталась лишь пустая оболочка.

Фургон въехал на территорию отдела и замер с тихим шипением тормозов. Мы выгрузились молча. Как сомнамбулы, мы поднялись в свой кабинет.

Там было тихо. Не просто тихо – гулко и пусто.

Первым делом мы начали приводить себя в порядок, тут же образовалась очередь в туалет где мы умылись и чистили форму, а потом просто в тишине пили обжигающий чай, который мне показался самым вкусным за последний год.

Началась безмолвная рутина, знакомая каждому охотнику после тяжёлого выезда. Я достал набор для чистки и принялся за свой меч. Тихий лязг металла, шорох промасленной ветоши, въедливый запах оружейной смазки – эти простые, механические действия помогали отогнать образы, стоявшие перед глазами. Гром и Ворон делали то же самое, каждый со своим оружием, каждый в своём углу, в своём молчании.

Кайл не чистил оружие. Он молча стоял у окна, засунув руки в карманы, и смотрел на город. Его силуэт на фоне серого утреннего неба казался фигурой уставшего полководца, обо-зревающего поле проигранной, хоть и выигранной, битвы. Он не писал отчёты. Он думал. И я почти физически ощущал тяжесть его мыслей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.